

НИКИТА ГРИЦАЕВ

ТЕНЬ РИКО

ВОЗМОЖНО, Я ЧЬЁ-ТО НАКАЗАНИЕ...

ЧАСТЬ 2

18+

Никита Грицаев

Тень Рико: Возможно, я чьё-то наказание. Часть 2

<https://litres.ru/74094986>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город захлёстывает серия загадочных убийств. У каждой жертвы — своё прошлое, свои тайны, свои незажившие раны. Следствие ведёт всё дальше, где случайностей становится всё меньше, а доверять нельзя уже ни уликам, ни очевидным выводам. Каждый новый шаг лишь сильнее запутывает картину.

Пока Рико и его команда пытаются остановить убийцу, им приходится сталкиваться не только с преступлениями, но и с собственными страхами, потерями и решениями, за которые однажды всё равно придётся платить. Старые раны открываются вновь, дружба проходит через испытания, а правда оказывается гораздо опаснее любых догадок.

Это история не только о поисках убийцы. Это роман о цене молчания, силе семьи, верности, выборе и надежде, которая продолжает жить даже тогда, когда кажется, что спасти уже нечего.

Иногда самое трудное расследование — понять человека. Даже если этим человеком однажды окажешься ты сам.

Содержание

Глава 1. «Пожар, которого не было достаточно, чтобы всё сгорело»	4
Глава 2. «Минус деньги... Минус доверие... Плюс ещё одна ложь»	32
Глава 3. «Остатки не возвращают целое»	61
Глава 4. «Самое лучшее — оно бесплатно»	89
Глава 5. «Будет его выбор. Или его конец.»	118
Глава 6. «Я наконец достиг уровня этой тарелки»	142
Глава 7. «Я сам до конца себя не знаю»	166
Глава 8. «Он создаёт состояние»	190
Конец ознакомительного фрагмента.	211

Никита Грицаев

Тень Рико: Возможно, я чьё-то наказание. Часть 2

Глава 1. «Пожар, которого не было достаточно, чтобы всё сгорело»

Середина октября 2025 года. В комнате стоял полумрак. Тусклая лампа под потолком потрескивала с равнодушной монотонностью, отбрасывая дрожащие жёлтые пятна на облупленные стены. За окном слышался стук капель — мерный, бесконечный, отсчитывающий время, которое здесь давно потеряло значение. Пахло сыростью, старой мебелью и чем-то затхлым, словно воздух в этом месте не менялся годами.

Комната была самой обычной — стол, два стула, старое кресло в углу. Таких помещений тысячи в любом городе. Но в этой обыденности чувствовалось что-то тревожное: сами стены хранили слишком много чужих признаний.

Марко сидел в кресле, сгорбившись, его позвоночник больше не держал форму. Пальцы его рук жили отдельной жизнью — подёргивались, царапали ткань, сжимались, раз-

жимались. Он смотрел в одну точку чересчур долго.

— Я слышал, вы были на том пожаре.

Голос разрезал тишину. Марко дёрнулся — не резко, как будто внутри него сигнал дошёл с задержкой. Он моргнул, повернул голову.

— А?.. Что вы сказали?

Человек напротив не двигался. Лицо его оставалось в тени — свет сторонился его лица.

— Пожар в спорткомплексе. Вы участвовали в ликвидации. В сентябре 2014-го.

Марко помолчал, потом медленно кивнул.

— Да... да, наверное... — Улыбка получилась неестественной. — Или нет. Знаете, иногда всё путается.

Он рывком подался вперёд:

— А вы уверены, что это был я?

— Расскажите, что произошло.

Марко затих на несколько минут. Губы его шевельнулись.

— Мы поехали. Нас вызвали. Сказали — горит. Ну мы и поехали. Работа же. — Он запнулся. — Или это был другой раз?

Судорожно повернулся к окну.

— Там же... часто горит. Да? У вас тут вообще часто горит?

— Марко!

Тот вздрогнул, повернулся обратно.

— Кто был с вами?

— Люди, — повторил он упрямо. — Разные. — Начал считать на пальцах, сбился, начал заново. — Я — водитель... не помню... Он... странный был. Всегда отдельно держался. — Стремительно поднял глаза. — Вы верите в такие вещи? — Киро был, — пробормотал Марко. — Да. Киро точно был. — Имя зацепилось за что-то внутри. — И... и Рико.

— Рико был сотрудником?

Марко улыбнулся — широко.

— Нет. — Улыбка не исчезала. — Посторонний, — поправил он сам себя. — Хотя... забавно, да? Сначала посторонний. А потом... кто из нас посторонний, а? — Тихо засмеялся, потом внезапно замолчал.

— Зачем он поехал с вами?

— Зачем... — повторил это слово несколько раз — всё тише, всё медленнее. Потом вдруг поднял взгляд — в нём мелькнуло раздражение. — А вы как думаете? — Порывисто рассмеялся. — Зарядку забыл, наверное! Или... телефон там оставил! Да? — Смех оборвался мгновенно. — Вы же знаете, — тихо сказал он. Голос стал другим. Пустым. — Вы всё знаете.

Мужчина чуть подался вперёд.

— Я хочу услышать это от вас.

Три коротких удара ногтем по столу.

Тук. Тук. Тук.

Будто человек проверял, на месте ли реальность.

Марко смотрел перед собой. Потом закрыл глаза.

— Он пошёл за ней.

— За кем?

— За Лизой.

Лампа моргнула, отбрасывая неровный свет на его лицо.

Мужчина чуть наклонил голову.

— Перед тем как войти внутрь, он сказал что-то странное.

Марко слегка сощурился, уловив неладное.

— Что?

— «Если снова не успею — значит, так и должно быть».

Марко ненадолго застыл, осмысливая сказанное. Потому что этой фразы не было ни в одном отчёте.

— И что произошло дальше?

Марко вдруг открыл глаза, взгляд дрогнул.

— Огонь... Всё очень просто. Огонь. — Развёл руками, пытаюсь удержать слова в воздухе. — Он пошёл туда. Внутрь. Казалось, его туда звали. Или он сам себя звал. — Нахмурился, вены на шее вздулись. — Так бывает?

— Продолжайте.

— Мы работали. Да. Всё как надо. По инструкции. Я всё делал правильно. — Голос ускорился, стал сбивчивым. — Только не там, где нужно. — Закусил губу до боли. — Он пропал внутри. Я... Я должен был... Но Киро побежал за ним.

Он поднял взгляд — в нём мелькнула злость, смешанная с отчаянием.

— Вот это смешно. Понимаете? — Откинулся назад, смех вырвался хриплым звуком. — Я должен был. А он — нет.

Но пошёл он. И вытащил его.

— А Лизу?

Марко закрыл лицо руками, плечи дрогнули. Опустил руки, голос упал до шёпота:

— Их нашли вместе. Поздно. Почти поздно. Но не совсем.

— Почему?

Он посмотрел прямо на собеседника. Улыбка вышла кривой, болезненной.

— Кровь. Одинаковая. Представляете? Такая редкая... А у них — одинаковая. — Смех стал тихим, почти безумным. — Совпадение. Или нет.

Мужчина молчал.

— Он отдал кровь. Конечно, отдал. Он бы и больше отдал. Он... он такой. Или вы не знаете? Ах да, Рико строго-на-строго запретил кому-либо рассказывать об этом. Даже самой Лизе.

— А вы? — вдруг спросил Марко, глаза расширились. — Вы бы отдали?

Ответа не последовало. Марко замолчал.

— А кто такой Киро для Рико?

— Никто. И в то же время... многое.

— Объясните.

Марко прикрыл глаза.

— Они познакомились буквально за час до пожара. Пока ехали на вызов. Я тогда пошутил над Рико: мол, противопожарный костюм ему не нужен — огонь его родная стихия.

— И?

— Киро спросил, почему я так говорю. А Рико ответил: «Повелитель ада собственной персоной».

На лице Марко впервые мелькнула тень живой эмоции.

— Потом они заговорили. О несправедливости, о том, что мир полон тех, кто заслуживает наказания.

Он качнул головой.

— Честно говоря, это был разговор двух интеллигентных сумасшедших.

— И Киро проникся?

— Похоже, да.

Наверное, именно тогда Киро увидел в нём кого-то, кем хотел стать сам.

— И что было потом?

— Потом? — Марко горько засмеялся. — После больницы Киро несколько дней расспрашивал меня о Рико. О его характере, привычках, жизни. Почти одержимо. А потом исчез.

— Исчез?

— Уволился. Удалился из соцсетей. Пропал.

Собеседник прищурился.

— И Рико его не искал?

— Нет. Ему было всё равно.

Тишина наполнила комнату. Лампа моргнула в последний раз и погасла на мгновение. Когда свет вернулся, Марко сидел неподвижно, дыхание стало ровным.

— Вас мучает чувство вины, — спокойно сказал мужчина. Плечи Марко непроизвольно сжались.

— Нет... Ему всё равно. У него всё хорошо. Жена. Дети. Жизнь. — Смех вырвался сам собой, глухой и ломкий. — У всех всё хорошо. Кроме тех, у кого нет.

Мужчина наклонился вперёд.

— После пожара что-то произошло?

Марко нехотя поднял голову. Взгляд упёрся в собеседника.

— Что?

— Вы не из-за пожара здесь.

Дождь за окном усилился, капли застучали по стеклу, отсчитывая секунды.

— Расскажите, что было потом.

Марко уставился на него, глаза забегали.

— Я... не помню... — Он начал покачиваться вперёд-назад, дыхание сбилось. — Не помню... — Вдруг неожиданно остановился, сжал подлокотники кресла. — Помню. — Губы дрогнули в усмешке. — Но не вам.

Мужчина встал, стул скрипнул.

— На сегодня достаточно.

— Нет! — Марко вскочил, шагнул вперёд, руки дрожали. — Подождите! — Голос сорвался. — Я хочу забыть! Зачем вы это делаете? Месяцами... одно и то же... зачем?!

Мужчина повернулся к нему и впервые вышел из тени. Но света всё равно было недостаточно, чтобы разглядеть лицо.

— Чтобы вы вспомнили. — Пауза, заполненная стуком дождя. — Иначе это повторится.

Марко застыл, кровь застучала в висках.

— Что... повторится?

Ответа не последовало.

Дверь открылась.

— Вы свободны.

Марко шёл по улице, не чувствуя ни холода, ни воды, стекающей за воротник. Город казался чужим: люди шли мимо, разговаривали, смеялись, звонили кому-то. У них была цель. Место, куда идти.

Он остановился под фонарём. Свет резал глаза, отбрасывая резкие тени.

— Домой... — прошептал он. — Да... домой. — Оглянувшись, искал подтверждение. Но вокруг были только чужие окна. Чужие жизни. Чужое тепло.

— Есть стены, — произнёс он глухо. — Этого достаточно.

Сделал шаг вперёд — и в этот момент в витрине магазина мелькнуло отражение. Марко остановился, всмотрелся. На долю секунды ему показалось, что за его спиной стоит кто-то ещё. Тень шевельнулась — или это игра света? Он обернулся, но улица была пуста.

Утро наступило незаметно.

Марко сидел на подоконнике, подтянув колени к груди. Рядом с обгоревшей спичкой лежал дешёвый брелок-сердце. Металл потускнел, цепочка спуталась в узел. Марко на-

клонился, не понимая, откуда он здесь. Но стоило пальцам коснуться холодной поверхности, как в нос ударил запах: густой, тяжёлый ладан, смешанный с елью.

Брелок отправился во внутренний карман куртки. Что-то в нём казалось знакомым — словно держал его раньше, но не мог вспомнить где. Он прислушался к себе, затем поднялся. Взгляд невольно задержался на месте, где только что лежал брелок. В голове мелькнуло: где он мог видеть такой раньше? Но реальность была настойчивее. Сознание Марко быстро вернулось обратно.

— Нет... не так... — шептал он. — Сначала надо иначе сказать... или вообще не говорить... А если он уже знает? Конечно знает. Он всегда знает.

Этот разговор происходил не впервые. Он повторялся каждый день — с разными формулировками, но с одним итогом: Марко не находил в себе сил.

Со временем он изменился до неузнаваемости. Когда-то густые светлые волосы потускнели, поредели. Борода разрослась до груди, неухоженная, спутанная. Лицо было покрыто ссадинами, один глаз заплыл, придавая взгляду ещё большую потерянность. Он выглядел не старше — хуже. Как будто жизнь не прошла, а проехала по нему.

Рико тоже изменился. Марко вспоминал его прежним — высоким, черноволосым, с лицом вечно раздражённого мальчишки. Теперь в памяти оставался другой человек: слегка поседевший, уставший, с тяжёлым взглядом за стёк-

лами очков, который больше ничего не искал. Чёрный плащ вместо аккуратных костюмов. И выражение лица, в котором была только одна мысль: «Хватит». Таким Марко видел его в последний раз. В октябре 2025-го им обоим было по 35 лет.

Телефон зазвонил. Тело отозвалось спазмом, и он чуть не уронил аппарат. Ответил не сразу.

— Да... — Голос был хриплым. — Да, опять. Вчера был... Сегодня снова. — Не знаю... Может, сюрприз. Может, нет. — А если это правда? Если это действительно он?

— Да... — выдохнул Марко. — Я тоже начинаю так думать. — Закрыв глаза. — И я не понимаю, как сказать ему об этом. — Пауза, заполненная дыханием. — Осень... — вдруг тихо сказал он. — Теперь понимаю, почему он её ненавидит... Она как я сейчас.

Разговор закончился так же внезапно, как начался.

Аделина. Его жена. Теперь — голос в трубке. Не больше. Он даже не сразу понял, когда всё пошло не так. Или понял, но предпочёл ничего не делать.

Квартира вокруг напоминала свалку: пустые бутылки из-под виски, коробки из-под еды, окурки, мусор — всё это лежало слоями, как геологические эпохи его падения.

Марко поднялся с подоконника, пошатнулся. Взял телефон, включил камеру.

— Ну что... — он попытался улыбнуться. — Дорогие подписчики... Ещё один день. — Повернул камеру, показывая комнату. — Как сказал бы мой лучший друг... сегодня ниче-

го не произошло. И вчера. И завтра не произойдёт. — Приблизил камеру к лицу. — Сегодня я расскажу вам, как я снова не смог ничего сказать. — Посмотрел прямо в объектив. — Потому что боюсь потерять... — Обвёл камерой квартиру. — Видимо, вот это.

Смех вырвался сам собой — сначала тихий, потом громче, перешёл в хрип, в кашель, в слёзы. Видео оборвалось.

К вечеру он уже не считал, сколько выпил.

Телевизор работал сам по себе — звук то пропадал, то возвращался. Новости шли фоном: очередное нападение, очередной пострадавший. Обычный выпуск.

Марко не слушал. Пока не услышал имя.

Он быстро поднял голову.

— Да ладно...

На экране мелькнуло знакомое лицо.

— Виктор?..

Картинка сменилась: кадры с места преступления. Репортёр говорил о множественных ножевых ранениях, о жестокости, о надписи на спине жертвы, выцарапанной ножом — «Предатель».

Марко уже не слышал слов. Он смотрел и понимал.

— «Предатель»... — Слово застряло в горле.

Виктор. Человек, который когда-то уничтожил их с Рико бизнес. Человек, которому Рико отомстил. Жёстко. Очень жёстко.

Пострадавший находится в тяжёлом состоянии, но жив,

— донёсся до него отстранённый голос репортёра. Марко почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Марко схватил телефон.

— Алло... Это я... — Дыхание сбивалось. — Ты видела?

Он слушал.

— Да, только что... Я не знаю, что думать. Но каждый раз мне кажется, что это он.

— Ты видела надпись?

Он закрыл глаза.

— И что?..

Гудки. Марко не отключался. Сидел, слушая их, пока в голове не зазвучали её последние слова:

— Ты сам предатель!

Он опустил телефон. И вдруг улыбнулся — криво, без радости.

— Ну да. — Шёпотом. — Логично. — Поднял взгляд к потолку. — Если не он... то кто?

Мысль оформилась чётко, холодно: кроме Рико — некому. Очень точно. Слишком лично. Кто-то перебирает прошлое и вычёркивает людей по списку.

Марко перевёл взгляд на стену. Там висел портрет — подарок от Рико: резьба по дереву. Они все вместе: он, Аделина и сыновья Рикардо и Роберт. Улыбаются. Живые. Целые.

— Знаешь... — тихо сказал Марко, глядя на изображение. — Мне кажется, ты всё понимаешь. Даже лучше, чем я. Сделал шаг ближе. — И всё равно молчишь.

Он протянул руку, коснулся лица сына на портрете.

— Как обычно... В своём стиле... — выдохнул он.

Звонок в дверь.

Марко закрыл глаза.

— Конечно... Пора.

Комната. Тот же голос:

— Где вы были сегодня утром?

— Там же, откуда вы меня забрали. — Марко провёл рукой по краю стола. — Видите? Я даже разуться не успел.

Ему показали фотографии. Он не отвёл взгляд.

— У вас есть предположения?

В голове зазвучало: «Предатель». Сначала тихо, потом громче, потом — со всех сторон сразу. Марко сжал виски пальцами.

— Хватит...

Но звук не исчез.

— Это был я!

Кто-то встал.

— Вы понимаете, что говорите?

Марко засмеялся. Звук вырвался отрывисто, болезненно.

— Конечно! — Он вскочил. — Я всё понимаю!

Смех перешёл в крик:

— Это я!

Голос сорвался. Дыхание сбилось. Комната поплыла перед глазами. Он схватился за голову.

— Замолчите... Замолчите...

Но голосов становилось только больше.

Люди переглянулись.

— Он не в состоянии.

— Уведите его.

— К Розе. Срочно!

Когда Марко открыл глаза, всё изменилось. Свет залил пространство, мягкий и ровный. Никаких теней. Никаких криков. Никакого давления. Только спокойствие.

— Здесь от вас не требуется говорить «правильно». Голос был мягким, женским. — Здесь можно говорить так, как есть. Или не говорить вовсе.

Кабинет был неожиданно тёплым — не формально-тёплым, не за счёт лампы или мягкого света, а живым. Здесь пахло древесиной и едва уловимым ароматом цитруса — почти домашним, в отличие от комнат допроса.

Марко это раздражало. Он сидел на краю дивана и мысленно готов был встать и уйти, хотя понимал — никуда он не уйдёт.

— Меня зовут Роза, я ваш психолог.

Он оторвался от разглядывания угла комнаты. На секунду сбился. Перед ним сидела не та, кого он ожидал увидеть. Не строгая женщина в сером костюме, не холодный профессионал с выверенным взглядом. Девушка. Ей было не больше тридцати.

Длинные, прямые, ухоженные светлые волосы мягко спадали на плечи, обрамляя лицо. Карие глаза — тёплые, но при

этом запредельно внимательные. Овальное лицо с чёткими скулами придавало ей собранность, но эту строгость ломали губы — полные, мягкие, почти улыбочивые даже в покое. Она выглядела... располагающе. И именно поэтому — опасно.

— Я знаю, что у вас были трудности после беседы со следователями. Расскажите мне, пожалуйста, что произошло.

Марко провёл рукой по лицу.

— Ну вот... Опять. Я должен кому-то что-то рассказывать. Не хочу. Мне нечего сказать. Но никто мне не верит — поэтому я здесь.

Роза не перебила. Лишь чуть наклонила голову, принимая его раздражение как факт, а не как проблему.

— Я понимаю вашу настороженность. Моя задача — не выбить из вас информацию. А помочь вам разобраться в том, что с вами происходит. Попробуйте начать с того момента, где вам стало сложнее всего.

Марко хмыкнул резче.

— Вы хотите помочь мне разобраться с чувствами... и задаёте такие вопросы? Тут либо у меня чувства закончатся, либо у вас их уже нет.

Роза подалась вперёд. Голос остался мягким, но в нём появилась сталь.

— Уважаемый Марко, скажу прямо: они не отстанут от вас, пока вы не заговорите. Сейчас у вас есть возможность объяснить своё состояние. Позже вам уже не будут предлагать мягкий диван и спокойный разговор.

— Док... Я даже не знаю, сомневаться мне в вашей компетенции или восхищаться ею.

— Это не имеет значения. И для меня, и для вас. Значение имеет только одно: вы либо говорите сейчас — и мы делаем это безопасно, либо говорите позже — и тогда это уже будет не моя работа.

Марко сглотнул.

— Они пытались убедить меня, что мой лучший друг — преступник. Говорили, что у них есть доказательства... но я не верю. Он не мог.

— О каких преступлениях идёт речь?

— Разных. Драки... убийства. Вы же слышали — сейчас в городе серийник.

Роза чуть замедлила речь.

— Понимаю вашу веру в друга. Но иногда мы можем ошибаться в людях. Возможно, есть вещи, которых вы о нём не знаете.

Марко с надрывом выдохнул.

— Нет. Я знаю его много лет. Мы через многое прошли. Он не мог.

— Даже если это так... — она чуть прищурилась, — возможно, есть что-то, что вы не хотите видеть. Не потому что не знаете, а потому что боитесь узнать.

Он стиснул зубы.

— Я не боюсь потерять его. Я не хочу верить, что он мог такое сделать.

— То есть вы допускаете эту мысль... но отталкиваете её? Марко опустил взгляд.

— Я уже давно сомневаюсь во всём и всех. Но в этом — нет. Это не он.

— Такой жёсткий внутренний запрет часто работает как защита, — тихо сказала Роза. — Когда мысль избыточно болезненна — психика её блокирует. Что вы чувствуете, когда представляете, что это мог быть он?

— Злость. И... разочарование. Сильное.

— Это нормальная реакция. Но эти чувства могут мешать вам видеть реальность. Поэтому мы и разбираем их.

Он вдруг устало выдохнул.

— Сейчас мне вообще кажется, что я его не знаю... Но дело не в этом. Мы давно не общались. Это моя вина. Я не сдержал обещание. И уверен — он не простит. Я исчез. Думал, соберусь с мыслями и вернусь. Но затянул.

Роза не перебивала.

— С каждым днём сложнее, — продолжил он. — Я понимаю, что уже не решусь.

— У вашего друга были враги?

Марко рассмеялся — коротко и хрипло.

— Враги? Нет. Скорее... Он сам был врагом для всего мира.

— А как он относился к жестокости?

— Он с ней боролся. Всегда. Даже если делал вид, что ему всё равно... Он не мог пройти мимо. Ни мимо людей, ни ми-

мо животных. Таскал домой раненых птиц, кошек... Лечил их.

Она чуть приподняла бровь.

— Семья у него есть?

— Да. Жена. Дочь. Он их любит. Очень.

— А у вас?

Марко сжал кулаки.

— Могло бы быть так же... Но я выбрал другое.

Он резко поднял руку.

— Подождите. Я сам скажу. Всё было нормально. Мы дружили семьями. Потом он стал больше времени уделять дому. Появился Киро... Парень из моей команды. Бегал за ним, как ученик. Я сказал следствию, что после пожара они не общались. Соврал. Это я исчез. Не он.

— Почему вы солгали?

— Потому что не хотел всё это снова проживать.

— Или потому что это вызывает у вас чувство вины?

Марко стиснул зубы.

— В какой-то момент вы почувствовали себя лишним? — мягко продолжила она.

— Я оказался не на втором плане. Я оказался вообще без плана.

Он провёл рукой по волосам.

— Он уехал с семьёй. В июле. На месяц. Судя по соцсетям.

— А вы?

— Я потерял всё.

Он говорил уже без защиты.

— Искал себя. Не нашёл. Сменил кучу работ. Пошёл в спасатели — думал, это перезагрузка. Не помогло. Сгорел. Запил. Опять. Денег не было. Жена тянула всё. Я хотел быстро заработать. Проиграл всё. Игромания. Потерял жильё. Семью.

— Где вы живёте сейчас?

— Жена сняла мне квартиру. Чтобы я был подальше.

— Она всё ещё надеется?

Марко пожал плечами.

— Может.

Роза чуть подалась вперёд.

— Ваша проблема сейчас не в том, что вы проиграли деньги. А в том, что вы перестали говорить правду. В первую очередь — себе. Вы потеряли ориентир. Раньше им был ваш друг. Сейчас его нет — и вы не знаете, ради чего двигаться.

— И что вы предлагаете? Упасть в ноги и всё рассказать?

— Нет. Просто поговорить. Вы боитесь, что станет хуже? Или... вам комфортно оставаться на дне?

Марко открыл рот, но она мягко, но уверенно остановила его:

— Поговорите с Рико. Это единственный реальный шаг вперёд.

— Я уже получила ответы на свои вопросы, — спокойно добавила она. — Сеанс окончен.

Дверь закрылась. Через несколько секунд в кабинет вошёл

следователь.

— Ну?

Роза смотрела в сторону двери, за которой только что исчез Марко.

— Это не он, — сказала она наконец.

— Уверены?

— В разгар убийств Рико находился за границей. Проверьте.

Следователь прищурился.

— И это всё?

Роза чуть повернула голову.

— Рико не подходит по психотипу.

— Почему?

— Он эмпат. Сильно выраженный. Такие люди не разрушают — они спасают. И да... Он любит животных.

— И это аргумент?

Роза спокойно посмотрела на него.

— Для вас — нет. Для меня — да.

Он ничего не ответил и вышел.

Утро пришло слишком рано.

Марко проснулся не потому, что выспался, а потому, что больше не мог лежать в этом состоянии — между сном и реальностью, где всё давит одинаково. Голова болела. Во рту — сухо. Внутри — пусто.

Но была одна мысль. Чёткая.

Рико.

Он сел на край кровати и несколько секунд собирал себя по частям, глядя в пол.

— Надо найти его... — прошептал он.

Раньше это было просто. Даже слишком. Им не нужны были звонки, сообщения, договорённости. Они знали, где искать друг друга. Всегда. Теперь — нет.

Марко натянул куртку и вышел. Город встретил его равнодушно.

Он шёл по знакомым маршрутам: кафе, двор, улица, где они когда-то зависали до ночи, старый стадион. Пусто.

Река. Их «место силы». Ветер гонял по воде холодную рябь и листья. Бревно было на месте. Рико — нет.

Марко остановился, долго смотрел на воду.

— Да ладно... — тихо сказал он. — Не может быть.

Но могло. Он исчез. Не уехал. Не спрятался. Исчез.

— Кто... кто может знать...

Мысли путались, но одна всплыла:

— Дина.

Он достал телефон. Гудки. Выключен. Открыл соцсети — закрыто. Всё закрыто.

— Да вы издеваетесь... — прошипел он.

Братья Рико? Марко даже не стал набирать. Он знал ответ заранее: они бы только порадовались.

Позвонила Аделина. Марко закрыл глаза на секунду, но ответил.

— Да.

— Ты вообще понимаешь, что происходит? — Её голос был холодным, без пауз, без сомнений. — Через пару недель заканчивается аренда. Ты собираешься что-то делать?

— Сейчас не время...

— У тебя всегда не время, Марко! — перебила она. — Ты живёшь, как будто всё ещё можно откатить назад!

Он сжал челюсть.

— Я пытаюсь...

— Нет. Ты не пытаешься. Ты прячешься. У тебя нет будущего, — сказала она уже тише. — А без будущего ты никому не нужен. Даже в прошлом.

Связь оборвалась. Марко медленно опустил телефон. Эти слова не были новыми, но сегодня они легли глубже.

Он пошёл куда-то без цели. Осенний парк принял его без вопросов. Жёлтые листья под ногами, прохладный воздух, чужие жизни вокруг: кто-то смеялся, кто-то читал, кто-то держался за руки.

Марко опустился на свободную скамейку. Откуда-то неподалёку доносилась музыка — гитара, живая, не запись. Он прислушался. Кто-то играл действительно хорошо.

Возле одной из дорожек собралась небольшая толпа. Любопытство победило усталость: Марко поднялся и направился туда.

Музыкант стоял спиной к нему. Длинное красное пальто выделялось среди красок почти вызывающе. Пальцы уверенно перебирали струны. Люди улыбались, некоторые снимали

на телефоны. Перед музыкантом стоял бумажный стакан с несколькими купюрами и мелочью.

Марко остановился в нескольких шагах. Что-то в фигуре показалось знакомым — очень знакомым.

Последние аккорды затихли, раздались аплодисменты. Музыкант поклонился и поднял голову.

Марко отпрянул на полшага.

— Да ладно...

Мужчина обернулся и улыбнулся.

— Марко?

— Киро?

Оба застыли, молча изучая друг друга.

— Живой, значит, — первым заговорил Марко.

— Пока да.

— Твою мать...

Киро рассмеялся.

— Реакция всё та же.

— А какая должна быть? Ты десять лет назад исчез чёрт знает куда.

— Не исчез. Переехал.

— Одно и то же.

Киро слегка повёл плечом.

— Ни капли.

Марко указал на стакан возле ног.

— Что, настолько плохо дела идут?

Улыбка Киро сразу исчезла.

— В смысле?

Марко кивнул на деньги.

— А-а, — Киро резко сменил тон. — Почему все считают, что если человек играет на улице, то обязательно бедствует?

— Потому что обычно так и есть.

— А может, мне просто нравится играть?

— За деньги?

— А ты на работу бесплатно ходишь?

— Не начинай.

— Это ты начал.

Киро поднял стакан и сунул его в чехол от гитары.

— Я люблю музыку. Люблю играть. Люблю, когда людям нравится. И люблю, когда за это платят. Никакого криминала.

— Ладно, убедил.

— Вот и отлично.

Он убрал гитару в чехол.

— Как вообще жизнь?

— Бывало лучше.

— Это я уже вижу.

Марко сжал губы.

— Спасибо.

— Да пожалуйста.

Киро всмотрелся в его лицо.

— Нет, серьёзно. Ты выглядишь так, будто последние пару месяцев спал по два часа.

— По ощущениям так и было.

— А я думал, это возраст.

— Иди к чёрту.

— Рад видеть, что чувство юмора не умерло.

Марко слегка наклонил голову.

— А ты чем занимаешься?

— Преподаю.

— Ты?

— Именно.

— Не верю.

Киро рассмеялся.

— Частная школа. Гитара. Рисование. Немного музыки.

Немного творчества. Всё цивилизованно.

— И тебя туда пустили?

— Представь себе.

— Детей не жалко?

— Меня почему-то любят.

— Врут.

— Возможно.

Оба невольно улыбнулись.

Киро поправил ремень чехла. На его руке блеснуло кольцо. Марко заметил сразу.

— Женился?

— Да.

— Кто рискнул?

— Сара.

— Она знает, какой ты?

— Пока нет.

— Тогда у неё ещё есть шанс сбежать.

Киро рассмеялся. Искренне.

— Поздно. Уже ждём ребёнка.

Марко вздрогнул.

— Серьёзно? Поздравляю.

— Спасибо.

Лицо Киро изменилось — стало спокойным, счастливым, без привычной дурашливости.

— А у тебя что случилось?

— Ничего.

— Врёшь.

— С чего ты взял?

— Потому что я тебя помню.

Марко отступил на шаг.

Киро сделал паузу, затем спросил тише:

— Аделина как? Видел её по телику. С годами только лучше.

Марко ощутил напряжение в шее. Этого оказалось достаточно.

Киро слегка наклонил голову.

— Понятно.

— А мальчишки?

Марко молчал.

Киро перестал улыбаться.

— Настолько плохо?

— Не хочу об этом.

— Хорошо.

Он не стал настаивать.

Мимо проходили люди.

— А Рико? — спросил Киро.

Марко поднял голову.

— Что Рико?

— Вы же всегда были вместе.

Киро помедлил, подбирая слова.

— Вы не общаетесь?

— Давно.

— Насколько давно?

— Достаточно.

— Странно.

— Что именно?

— Просто... — Он запнулся. — Когда я уезжал, мне казалось, что если в мире останется хоть что-то постоянное, то это вы двое.

Марко не ответил.

Киро выпрямился.

— Ладно.

— Что «ладно»?

— Ничего.

Он закинул чехол за плечо.

— Был рад увидеться.

— И это всё?

— А что ещё?

— Десять лет не появлялся. Встретил старого друга. И просто уходишь?

— Если честно, мне кажется, сегодня тебе лучше побыть одному.

Киро развернулся и пошёл по дорожке.

— Киро!

Тот обернулся.

— Что?

Марко помедлил, затем опустил руку.

— Да ничего.

— Вот и я так подумал.

Киро улыбнулся и пошёл дальше.

Марко стоял, пока красное пальто не растворилось среди деревьев. Он сжал пальцы в карманах и направился к выходу из парка. В тени у реки неподвижно сидел человек в чёрном пальто и круглых очках. Его взгляд был прикован к Марко.

Глава 2. «Минус деньги... Минус доверие... Плюс ещё одна ложь»

Марко не помнил, как закончился день. Он пришёл в себя от холода и боли.

Подъезд. Чужой этаж. Он лежал у двери. Медленно поднялся, опираясь на стену, посмотрел на себя: грязь, разорванная одежда, ссадины.

— Ну всё... Допился... Финишная прямая... Хотя... Судя по состоянию — кривая.

Он спустился этажом ниже — своим. Ключ долго не попал в замок. Дверь открылась. Войдя в помещение, он остановился.

На столе лежала фотография. На ней запечатлена вся компания: он сам, Рико, Дина и Аделина. Снимок семилетней давности, сделанный на фоне детского сада в первый день Евы и Рикардо. Тот самый, который он носил во внутреннем кармане пальто, что осталось у Аделины. Рядом с фото лежало обручальное кольцо.

Марко медленно подошёл. Руки начали дрожать. Он взял фотографию, провёл по ней пальцами, узнавая каждый момент, запечатлённый на снимке: улыбки, солнечный день, детский смех за спиной.

— Это... Как... — Горло сжало. Мысли начали разрывать-

ся. Крики внутри — без звука.

Он посмотрел на кольцо, потом на дверь, потом снова на стол. В голове наконец сложилась картина: это Аделина принесла. Только она могла знать, где лежит фото, только она хранила его пальто.

— Что мне теперь делать...

И впервые за долгое время Марко действительно не знал, что хуже: кричать, разрушить всё вокруг или просто подойти к окну и закончить это одним шагом. В итоге, так и не сдвинувшись с места, он садится в кресло, берёт лист бумаги и ручку и пишет следующие строки, как на одном дыхании:

Верили: станет путь простым,
Что вместе легче будет нам,
Но мир остался вдруг чужим,
И нас развёл по берегам.

Мы думали: любовь — не свет,
А труд, что держит изнутри,
Но в ней опоры больше нет,
И гаснут тихо фонари.

Где те, кто были всех важней,
Кто шёл сквозь ад и вёл нас в рай,
Кто был дыханием ночей,
Кто говорил: «не умирай»?

Мы душу отдали до дна,
Сгорали под чужое «браво»,
Но вышло — правда не нужна,
И путь наш вывернут коряво.

Молчали ради их тепла,
Себя стирали без остатка,
И боль привычною была,
Как роль — запасная фанатка.

Нас записали в пустоту,
В безумцы, в шутку, в чей-то страх,
Мы прятали в себе мечту,
Но нас оставили в словах.

Мы открывались — и в ответ
Лишь холод, маски и обман,
Как будто нас и вовсе нет,
Как будто всё — самообман.

Зачем надежду нам дали,
Чтоб после вырвать из груди?
Мы между болью и вдали
Остались где-то посреди.

И образ в сердце не угас —
Та, что светила, как звезда,
Но правда не звучит сейчас,
Ведь маска выросла навсегда.

Мы молча стоим у моста,
Где между «было» и «уйти»,
Где не дописана черта,
И слов не хватит донести.

Мы снова к этому мосту,
Как будто тянет нас назад,
И ищем смысла на лету,
Средь старых ран и тех же врат.

Мы крыльев ждём — но их всё нет,
И ветер бьёт по нам сильнее,
Внизу рассыпался весь свет,
И мы теряемся быстрее.

Теперь всё стало нам ясней:
Без боли не родится рост,
Мы смотрим прямо, без теней,
Хоть каждый шаг теперь непрост.

И если б мог я всё сказать,

Без тяжести и без игры,
Ты б не смогла так отвергать
И рушить тихие миры.

Ни в чём вас не обвиняем,
Не держим больше этот круг,
Путь этот вам оставляем,
И в этом весь итог разлук.

Исполни лишь один мой день —
Последний свет среди руин,
От сердца остаётся тень,
И я теперь совсем один.

Я не святой — и ты права,
Ты можешь просто отвернуться,
Но если есть ещё слова —
Позволь хотя бы не проснуться.

Любить и быть совсем одним —
Почти как медленный распад,
Как ад, растянутый храним,
Где нет дороги наугад.

Куда теперь идти — вопрос,
Себя мы так и не нашли,

И между будущим и «врозь»
Стоим на краешке земли.

И стрелы входят в тишине,
Как будто это был финал,
Я вижу страх в самом себе —
И понимаю: я пропал.

Марко смотрел на исписанный лист ещё несколько секунд. Он уже собирался скомкать бумагу, привычным резким движением стереть её из реальности, как делал это десятки раз прежде. Но не сделал. Лист остался лежать на столе. Взгляд вдруг стал другим — не рассеянным, не пустым. В нём мелькнуло узнавание.

— Подожди... — прошептал он.

Он осторожно провёл пальцами по строчкам, словно проверяя, действительно ли это написал он. И в этот момент внутри что-то сдвинулось — тихо, почти незаметно, но необратимо. В груди возникло давно забытое ощущение — лёгкое, почти болезненное. Удовольствие. Настоящее. Чистое.

— Да ладно...

Когда-то это было его жизнью. Слова, ритм, смысл. Он жил этим. Чувствовал, как фразы складываются, как мысли обретают форму. А потом всё закончилось: критика, смех, тишина вместо отклика. Он тогда решил, что это никому не нужно, и бросил. Сейчас всё было иначе. Он открыл глаза и

снова посмотрел на лист.

— Мне это... нравится, — тихо, будто признаваясь самому себе.

И вдруг рассмеялся — нервно, но искренне.

— Смешно... Всё вокруг горит... а мне... хорошо.

Он встал, подошёл к окну, прислонился лбом к холодному стеклу.

— Как будто сидишь в огне... — прошептал он. — И не больно. Даже... уютно.

Губы тронула странная улыбка.

— Пусть я и сошёл с ума... Но лучше так... чем сгнить здесь и сейчас.

Где-то у соседей за стеной работал телевизор. Слишком громко. Марко невольно поморщился от назойливого гула.

— Да заткнитесь вы уже...

Но звук продолжал пробиваться сквозь стены.

«...Полиция пока не связывает нападения между собой...»

Женский голос диктора звучал спокойно, почти устало.

«...За последние три недели зафиксировано ещё два случая нападения в северной части города. Один пострадавший находится в тяжёлом состоянии...»

На фоне мелькнули синие огни, полицейская лента, чья-то размытая фигура под термоодеялом.

«...Правоохранительные органы призывают жителей избегать безлюдных районов в ночное время...»

Марко вздохнул, раздражённо качнув головой.

— Каждый год одно и то же... Осень, психи, ножи...

Он вернулся к столу, потянулся к ноутбуку, и тут его взгляд случайно зацепился за угол экрана. Открытая вкладка. Новости. Он хотел закрыть её — машинально, не вчитываясь. Но не закрыл. Заголовок остановил его. Марко наклонился ближе. Читал медленно: сначала не понимая, потом — слишком хорошо понимая.

— Нет...

На экране мелькали кадры: полиция, ленты, мигающие огни. Текст бежал строкой: очередная жертва, предприниматель, найден в собственном автомобиле, выстрел, лобовое стекло пробито, пуля — в голову. Имя появилось внизу: Лукас.

Он отшатнулся, словно его ударили.

— Не может быть...

Рука автоматически потянулась к лицу, провела по щеке.

— Лукас?..

Память вспыхнула мгновенно: короткие отрывки — офис, холодный взгляд, Каролина, неловкость, работа, которая быстро закончилась.

— Я же... Я у него работал...

Он снова посмотрел на экран. Следующая строка: здание компании Лукаса подверглось поджогу, сильные повреждения, причины устанавливаются. Марко резко захлопнул ноутбук. Комната стала слишком тесной, слишком тихой.

— Это... Это уже не совпадение.

Дыхание участилось.

— Это... тот же самый.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один.

— Или... Или... он.

В коридоре полицейского участка кто-то быстро прошёл мимо кабинета.

— Ещё один за ночь, — прозвучал мужской голос.

— Это уже пятый?

— Четвёртый подтверждённый.

Шаги стихли, и он переступил порог. Комната допроса встретила его всё тем же холодным, безжалостным светом.

Марко сидел, сжав руки в замок. Пальцы дрожали, не слушались — он то сжимал их, то резко разжимал, будто пытался избавиться от невидимой боли. Напротив — следователь. Чуть в стороне — Роза, спокойная, собранная, наблюдающая.

— Марко, вы по-прежнему считаете, что это не ваш друг? — начал следователь, переводя взгляд с Марко на Розу, словно намеренно вовлекая её в разговор.

Марко моргнул.

— А?.. Что?.. Кто?.. — он дёрнулся.

— Рико.

— Нет. — Он поднял взгляд. — Он даже не знал Лукаса. Не видел его. Никогда. — Слова путались, он раздражённо потряхнул головой. — У них не было причин. Личных. Никаких. Да и зачем ему это? Это была моя война.

Следователь прищурился.

— Ваша?

Марко резко вдохнул, будто сказал лишнее.

— Я... не так... — Он замахал рукой. — Вы всё переворачиваете. Всегда переворачиваете.

Следователь наклонился вперёд.

— Тогда, может быть... это вы сами?

Марко замолчал. Глаза расширились. На секунду — абсолютная пустота.

В этот момент Роза спокойно, но чётко вмешалась:

— Давайте без предположений, не подкреплённых фактами. — Она повернулась к следователю, не повышая голоса, но интонация стала жёстче. — Вы видите его состояние. У него выраженные признаки дезорганизации: тремор, спутанность речи, скачки внимания. Вы действительно считаете, что человек в таком состоянии способен выследить жертву, спланировать нападение, произвести точный выстрел и скрыться?

Следователь ничего не ответил. Роза продолжила, уже спокойнее:

— Здесь мы имеем дело либо с высокоорганизованным преступником, либо с серией тщательно подготовленных действий. Это не импульсивное поведение. — Она чуть повернула голову. — И это точно не соответствует текущему психическому состоянию Марко.

Марко тихо засмеялся.

— Слышали?.. Я даже ручку держать не могу...

Он попытался поднять её — пальцы дрогнули, ручка выпала на стол.

— Видите? — Он посмотрел на следователя. — Снайпер...

Смех оборвался. Роза мягко, но уверенно:

— Сейчас важно не обвинять, а проверять. Камеры в подъезде, временные метки, маршруты. Это даст объективную картину.

Следователь на секунду задумался, затем наклонился к коллеге и тихо сказал:

— Проверьте камеры. Подъезд. И район происшествия.

Тот вышел. Марко уставился в стол.

— Честно?.. — вдруг сказал он. — Хотелось бы... Чтобы это был я.

Следователь поднял бровь. Марко продолжил, глядя в одну точку:

— Лет двенадцать назад... Когда они с моей бывшей сделали из меня шутку. Тогда — да. Сейчас?.. Сейчас не имеет смысла. У меня жена. Двое сыновей. Если я и хочу кому-то отомстить... То только себе. — Он посмотрел на своё отражение в тёмной поверхности стола. — Своему отражению.

Роза внимательно наблюдала.

— Это важная мысль, — спокойно сказала она. — Но сейчас вы переносите внутреннюю агрессию на себя. Это не решение, а симптом.

Марко не ответил. Он просто смотрел, словно не слышал. Дверь открылась. Помощник вернулся.

— Камеры проверили. Марко был дома. Весь период. С места преступления — лицо не видно. Капюшон. Маска.

— Понятно. — Следователь посмотрел на Марко. — На данный момент вы свободны. Под подписку о невыезде.

Марко не сразу отреагировал.

— Свободен?... — повторил он тихо.

Роза мягко добавила:

— Это не конец. Это пауза. Постарайтесь использовать её правильно.

Марко медленно встал и пошатнулся. Не глядя ни на кого, вышел.

Он не считал, сколько выпил. Вообще перестал считать — дни, шаги, слова. Сначала жжёт — потом легче. Потом почти ничего не чувствуешь. Марко стоял посреди кухни, опираясь рукой о стол, бутылка виски болталась в другой.

— Ну что... — пробормотал он, глядя в пустоту. — Пора быть смелым. Как обычно... С допингом.

Он накинул куртку и вышел. Шёл медленно, временами сбиваясь с направления, но ноги сами вели его туда, куда он боялся идти трезвым. Многоэтажки. Старый район. Последний адрес, который у него остался. Он остановился перед подъездом, поднял голову вверх. Окна — чужие. Свет — чужой.

— Здесь... Здесь ты жил.

Он вошёл внутрь и поднялся по лестнице, цепляясь за перила. Он постучал. Шаги. Щелчок замка. Дверь открылась. На пороге стоял незнакомый мужчина.

— Я... — Он нахмурился. — Подождите... А где... — Замахал рукой, будто пытаясь поймать ускользающую мысль. — Где Рико?

Мужчина посмотрел на него с явным недоверием.

— Вы кто вообще?

— Я друг. Старый. Очень старый.

— Тут таких не живёт, — отрезал мужчина. — Уже несколько месяцев как съехали.

— Куда?

— Без понятия.

— Когда?

— Сказал же — несколько месяцев назад.

Дверь начала закрываться.

— Подождите... — Марко шагнул вперёд, но мужчина уже захлопнул её.

Марко остался стоять в подъезде. Потом тихо рассмеялся.

— Конечно... Конечно, ты исчез.

Он спустился вниз и вышел на улицу.

— Я даже не знаю... — пробормотал он, глядя в мокрый асфальт, — кого сейчас нужнее искать. Убийцу... или тебя. Как игра... Пока не выполнишь задания — персонаж заблокирован. — Он сделал шаг. — Только вот... — тихо добавил, — здоровье на нуле. Ещё шаг. — И денег нет даже на

попытку.

— Стоп.

Мысль пришла внезапно — чётко, холодно.

— Лукас... Если убрали его... то...

Имя всплыло само.

— Каролина.

Он уже шёл — быстро, слишком быстро для своего состояния. По памяти: повороты, улицы, двор, калитка. Остановился перед домофоном. Смотрел на цифры.

— Серьёзно?..

Пальцы сами набрали код. Замок щёлкнул.

— Ничего не меняется...

Он вошёл внутрь и поднялся по лестнице. С каждым этажом дыхание становилось тяжелее. Но он шёл. Дверь её квартиры. Он нажал звонок. Дверь открылась.

Каролина.

Марко на секунду потерял дар речи. Она изменилась — сильно, но в то же время совсем нет. Волосы аккуратно уложены, дорогая укладка подчёркивает черты лица. Макияж безупречный, но не кричащий. На ней светлый домашний костюм, который выглядит дороже, чем вся его квартира. Тонкий запах дорогого парфюма. Она смотрела на него сверху вниз — сначала не узнавая, потом узнавая. В её глазах мелькнуло что-то между удивлением и насмешкой.

— Марко?.. — протянула она.

Он неловко улыбнулся.

— Привет.

Она осмотрела его с головы до ног, задержавшись на небритом лице.

— Вау... Жизнь тебя... не пожалела.

Марко сжал губы.

— Мне нужно поговорить.

— Серьёзно? Через двенадцать лет?

— Это важно.

Она закатила глаза.

— Ладно. Давай, удиви меня.

Марко сделал шаг ближе.

— Тебе может грозить опасность.

Каролина моргнула, потом искренне рассмеялась.

— Прости... Ты сейчас серьёзно?

Марко не улыбнулся.

— Убили Лукаса.

— И что? Мне должно быть не всё равно?

Он нахмурился.

— Ты же...

— Была с ним? — перебила она. — Давно нет. И, если честно... Он был неудачником.

— Я пришёл предупредить.

— Меня? — Она снова рассмеялась. — Марко... Посмотри на себя.

— Это не шутка.

Она наклонилась чуть ближе.

— А знаешь, что смешно? Ты всегда был таким. Спасатель. Предупреждающий. Только вот... — она провела взглядом по его куртке, — себя спасти не смог.

— У меня есть муж, — продолжила она уже холоднее. — И, поверь, он в состоянии обеспечить безопасность.

Марко молчал.

— А теперь... — она отступила назад, — иди домой.

Он не двигался. Она вздохнула.

— Серьёзно. Это уже жалко.

И захлопнула дверь.

— Я пытался, — тихо сказал он и медленно развернулся.

Одежда липла к телу, будто хотела удержать этот день. Марко спустился по лестнице, сунул руки в карманы — пусто, если не считать пары смятых купюр и мелочи. Он достал телефон. Три звонка — и ни одного шанса: первый номер не ответил, второй сбросил, третий оборвал разговор коротким «Понял» и сразу отключился. Марко убрал телефон. В груди оседала тяжесть пустых попыток.

Через полчаса ноги сами вывели его к бару. Внутри пахло жареным мясом, шум накрывал плотной волной. На большом экране шёл теннис. Взгляд сам зацепился за экран — и сразу узнал спортсменку.

— О, прекрасно, — Марко опустил у стойки. — Опять этот киборг в юбке.

Бармен поставил перед ним стакан. Марко сделал глоток. На экране спортсменка спокойно отправила мяч в угол корта

— соперница даже не успела шевельнуться.

— Конечно, — он снова пригубил напиток. — Потому что обычным людям страдать недостаточно.

Матч шёл своим чередом. Марко не следил за счётом — просто смотрел, как мяч снова и снова бьётся о линию, будто в этом ритме можно спрятаться. Минут через двадцать он допил, прикинул остаток денег и заказал ещё. Когда и эти деньги кончились, он не стал крутить пустой стакан — просто перевёл взгляд на стекло.

За стеклом мелькнул знакомый силуэт. Гитара. Красное пальто. Растрёпанные волосы. Киро. Он играл на тротуаре, будто холод был не погодой, а фоном, который можно не замечать. Люди шли мимо: кто-то ронял монеты, кто-то клал купюры, кто-то задерживался на пару секунд, слушая. Марко тихо выдохнул — в этом звуке смешались зависть и облегчение.

— Да ты сегодня богаче меня, — прошептал он.

Когда Киро закончил, возле чехла лежала неожиданно щедрая горка денег. Он быстро собрал их, коротко поблагодарил нескольких прохожих и пошёл прочь. Марко следил за его тенью, пока та не свернула в переулок, потом ещё в один. Тогда он поднялся — без пафоса, просто как человек, у которого не осталось других вариантов.

— Ладно, — сказал он себе. — Может, это и унинительно. Но сегодня уже поздно думать о достоинстве.

Он вышел на улицу и, держась в тени, двинулся следом.

В следующем переулке Киро остановился возле бетонного блока. На нём сидел парень лет шестнадцати — тощий, в старой куртке, с рюкзаком, который давно просился на свалку. Увидев Киро, он тут же поднялся.

— Привет.

— Привет.

Киро протянул ему бумажный пакет. Из него выглядывали упаковка бургера и бутылка воды.

— Держи.

— Я говорил, не надо.

— А я говорил, что мне всё равно.

Парень на секунду застыл, будто пытался удержать в себе это «не надо», но вместо слов только дёрнул плечом — сдаваясь не Киро, а простой правде, которую не спрячешь в карман. Они оба улыбнулись — коротко, как улыбаются, когда спорить дальше нет сил. Марко стоял за углом, чувствуя, как в горле становится сухо не от жажды, а от чужой заботы, которая вдруг показалась ему слишком яркой.

Киро достал из кармана деньги, только что заработанные. Протянул парню. Тот опустил взгляд на купюры, будто взвешивая их тяжесть.

— Киро, мне неудобно.

— А мне неудобно смотреть, как ты приходишь на занятия голодным.

Парень опустил голову.

— Мама работу ищет. Старается.

Киро не стал повторять «знаю» — просто сунул деньги парню в карман куртки.

— Это до конца недели.

— Ты сам-то на что жить будешь?

— Не переживай.

Парень дёрнул плечом, будто отмахиваясь от этой заботы. Киро достал сложенный лист бумаги и вложил ему в руку.

— И вот это ей отдай. Контакты. Есть место — ищут уборщицу на полставки.

— Думаешь, возьмут?

— Если придёт трезвая — возьмут.

Лицо парня потемнело. Киро тут же положил руку ему на плечо.

— Слышишь? Всё наладится.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что однажды это окажется правдой.

Они замолчали на миг, потом Киро неожиданно улыбнулся.

— Ты сегодня таблетки пил?

— Чего?

— Таблетки свои.

— Пил.

— Точно?

— Точно.

— Тогда молодец.

Киро хлопнул его по плечу, попрощался и ушёл обратно

к улице.

Марко выждал несколько секунд, потом вышел из-за угла. Парень сразу напрягся, отступил на шаг.

— Спокойно, — Марко поднял руки. — Я не из полиции.

— А похож.

— Ну, формально я оттуда, только по другую сторону баррикад.

— Ты бандит?

— Нет, просто был не в том месте и не с теми людьми.

Парень настороженно застыл, не сводя с него глаз. Марко указал в сторону, куда ушёл Киро.

— Давно его знаешь?

— А ты?

— Несколько лет. Мы раньше работали вместе.

— Я знаю его со школы. Он мой учитель по музыке.

— Он родственник?

— Нет.

— Тогда зачем помогает?

Парень поправил лямки рюкзака — тяжесть вещей отозвалась в плечах.

— Потому что он такой.

— Какой?

— Нормальный.

— Очень ёмко, — произнёс Марко без интонации.

— А что ещё сказать? — парень чуть наклонил голову.

— Он меня играть учил, с математикой помогал, репетитора

нашёл. Когда мама в больницу попала — лекарства купил. Когда за квартиру долг был — тоже помог.

Марко задержал дыхание, словно каждое слово имело вес.
— И много таких, как ты?

Парень задумался.

— Не знаю. Наверное.

— И зачем ему всё это?

Он чуть повернул голову в ту сторону, где исчез Киро.

— Не знаю, — тихо сказал он. — Может, потому, что когда-то ему самому никто не помог.

Марко не ответил. Он не отрывал взгляда от конца улицы, будто пытался прочесть там чужую логику добра — ту, что не укладывалась в его собственные правила.

Следующее утро. Снова оперативники. Снова с визитом.
— Марко, вы поедете с нами!

Он даже не спросил зачем. Просто подчинился. Комната. Та же. Стол. Фотографии. Следователь молча разложил их перед ним. Марко сначала не смотрел. Потом взгляд всё же упал — и остолбенел.

Кровь. Тела. Каролина. Её муж. Изуродованные. Нереально. Неправильно.

— Нет... — выдохнул он. Пальцы задрожали. — Нет... нет...

Следователь наблюдал.

— Вы вчера были у них.

Это не был вопрос. Марко поднял голову.

— Я хотел предупредить.

— О чём?

— Об убийце.

— Интересно. Вы приходите к людям за день до их смерти... и называете это предупреждением.

— Я не знал, что это случится сегодня!

— Но знали, что случится.

— Похоже, — продолжил следователь, — вы работаете не один.

Марко резко поднял взгляд.

— Что?

— Вы информатор. Он делает. Вы проверяете.

— Это бред!

— Или вы подталкиваете.

— Я хотел предупредить!

Следователь наклонился вперёд.

— Тогда почему не обратились в полицию?

Марко замолчал. Этого хватило.

— Понятно.

Он дал указание сотрудникам.

— Задержать.

Марко не сразу понял.

— Что?..

Руки жёстко и резко схватили его.

— Нет, подождите... — он попытался вырваться. — Вы ошибаетесь...

Наручники щёлкнули.

— Я не... Я не причастен...

Его уже вели к двери.

Через два дня дверь камеры открылась так же внезапно, как и закрылась.

— На выход.

Марко не сразу поднялся. Посмотрел на пол, потом встал. Шаги по коридору отдавались глухо, как будто не здесь, а где-то внутри него.

— Свободны.

— Свободен?... — тихо повторил он, уже почти без эмоций.

Дверь открылась. Свет ударил в глаза. У выхода стояла Роза. Пальто, собранные волосы, спокойный взгляд. Она не подошла сразу, сделала шаг вперёд.

— Здравствуйте, Марко.

— Вы?... А вы... что здесь делаете?

— Жду вас.

— Чтобы обратно отвести?

— Чтобы вы не ушли в том состоянии, в котором сейчас находитесь.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Это вы... меня вытащили?

Роза не сразу ответила.

— Я не «вытаскиваю» людей. Я работаю с фактами. В вашем случае они были на вашей стороне.

Она чуть повернула взгляд в сторону здания.

— Отсутствие прямой связи с преступлениями. Подтверждённое алиби. И главное — несоответствие поведенческого профиля роли информатора.

— Поведенческого... чего?

— Человек, который действует в связке с преступником, демонстрирует контролируемость, устойчивость и целенаправленность. — Она посмотрела на него прямо. — У вас — обратное. Дезорганизация, импульсивность, фрагментарное мышление. Вы не управляете ситуацией. Вы в ней теряетесь.

— Звучит... обнадеживающе.

— Это означает, что вы не тот, за кого вас пытались при-
нять.

Он отвёл взгляд.

— Спасибо.

— Это не благодарность. Это точка отсчёта. Вы можете сейчас пойти домой. Или... — она чуть кивнула в сторону улицы, — пройтись.

Марко посмотрел туда, потом обратно на неё.

— А это... что? — с лёгкой иронией. — Сеанс на свежем воздухе?

Роза едва заметно улыбнулась.

— Это попытка снизить вероятность того, что через несколько часов вы снова окажетесь в том же состоянии.

— Ладно... — Марко опустил плечи. — Хуже уже не будет.

Они пошли медленно, без спешки. Несколько минут шли молча. Потом Роза спросила:

— Расскажите, что вы почувствовали, когда увидели фотографии.

— Что я опоздал. И что это... моя вина.

— Почему вы связываете эти события с собой?

— Потому что я был там.

— Вы были там, чтобы причинить вред?

— Нет.

— Вы знали точное время и способ убийства?

— Нет.

— Тогда давайте уточним. — Она чуть повернула голову.

— Вы приписываете себе контроль над событием, которым не управляли.

Марко поморщился.

— Звучит как оправдание.

— Это не оправдание. Это разграничение.

Роза продолжила:

— Есть три уровня участия в событии: причина, влияние и совпадение. Сейчас вы автоматически помещаете себя в категорию причины. Но фактически вы находились в зоне совпадения с элементом влияния — вы пытались предупредить.

Марко резко остановился.

— Итог один и тот же.

Роза тоже остановилась.

— Итог — да. Ответственность — нет.

Он посмотрел на неё раздражённо.

— Хорошая позиция.

— Точная, — спокойно поправила она. — Если вы продолжите приписывать себе ответственность за всё, что происходит вокруг, вы будете разрушаться быстрее, чем сейчас.

— Быстрее уже некуда.

— Есть.

Через несколько шагов она заговорила снова:

— Когда вы шли к Каролине, что вами двигало?

Марко задумался.

— Наверное... желание хоть что-то исправить.

— Исправить что именно?

— Прошное.

— Это важный момент. Но прошлое не поддаётся коррекции через действия в настоящем.

— Тогда зачем вообще что-то делать?

— Чтобы влиять на настоящее. — Роза встретила его взгляд. — А не переписывать прошлое. Вы действуете не из текущей реальности, а из незавершённых эмоциональных ситуаций.

— То есть?

— Вы не закрыли прошлый опыт. Он остаётся активным и управляет вашими решениями.

— Отлично. И что дальше? Закрыть и жить счастливо?

— Нет. Сначала признать. Что вы не смогли тогда. Не

справились. Не были тем, кем хотели быть.

Марко стиснул зубы.

— Спасибо.

— Это не обвинение. Это фиксация.

Она остановилась. Он тоже.

— Пока вы избегаете этого признания, вы будете снова и снова пытаться «переиграть» ситуацию с разными людьми. И каждый раз приходите к тому же результату.

Марко отвёл взгляд.

— А если... это правда он?

Роза не ответила сразу.

— Вы хотите, чтобы это был он? Или боитесь, что это он?

Вопрос попал точно.

— Я... — Он не договорил.

— Это разные мотивации. Первая — про оправдание происходящего. Вторая — про разрушение образа. Что ближе?

— Я не знаю.

— Это честный ответ.

Они пошли медленнее.

— Тогда давайте зафиксируем то, что у нас есть. — Роза чуть замедлила шаг. — Факты: серия убийств, личная направленность, элементы прошлого. И ваше состояние: высокий уровень вины, дезориентация, алкоголь как способ регуляции.

Она встретила его взгляд.

— Это небезопасная комбинация.

— Вы сейчас про меня или про убийцу?

— Про вас. Потому что в таком состоянии человек легко становится либо жертвой, либо удобным обвиняемым.

Он остановился.

— Уже стал.

— Именно поэтому я здесь.

— И что мне делать?

— Первое — стабилизироваться.

— Как?

— Минимум: сон, снижение алкоголя, контроль среды.

— Звучит просто.

— Это не просто. Но это база. Второе — не действовать импульсивно.

— Уже поздно.

— Нет. Пока вы живы — не поздно.

— И третье. Перестать искать ответы в одиночку. Начни вести записи. При первых признаках дезориентации или посторонних звуков — фиксируй. Не эмоции. Факты: например, точное время и уровень шума. Сбои не случайны. Они следуют за внешними ритмами — ты просто их не отслеживаешь. Записывай автоматически. Без анализа.

— Ладно... — тихо сказал он. — Попробуем.

Марко посмотрел на свои руки — они всё ещё слегка дрожали. Мысль о записях казалась абсурдной. Какой смысл фиксировать то, что он и так помнит? Или то, чего не может понять? Он слишком устал, чтобы ещё и бумажки заполнять.

Он вздохнул, глядя куда-то в сторону. В его глазах читалась покорность, но не согласие. Просто желание закончить этот разговор.

Глава 3. «Остатки не возвращают целое»

Несколько следующих дней тянулись вязко, как остывший воск. Марко действительно старался не пить — сначала из принципа, потом из упрямства, а затем просто потому, что уже не было на что. Он делил скудные запасы еды на части, растягивал на дни, запивая водой из-под крана. Отвлечься не получалось. Он пытался писать. Сидел перед листом, смотрел на слова — но они больше не шли. Точнее, шли, но не отзывались. Не было того ощущения, ради которого он когда-то начинал.

— Пусто... — пробормотал он, отталкивая тетрадь.

Он прошёлся по комнате и остановился. Мысль пришла не сразу, но как только оформилась — отпустить её он уже не смог.

— Ну конечно... — тихо сказал он.

Азарт. То самое. С чего всё началось. С чего всё сломалось. Телефон в руках казался тяжёлым. Он долго смотрел на контакт, потом нажал.

— Да... Привет... — голос стал мягче, почти виноватым. — Слушай, тут ситуация... Срочно нужно закрыть долг... Коммуналка, накопилось... Если не оплачу сегодня — отключат.

— Да, понимаю... Последний раз. Правда. Спасибо.

На экране — уведомление о переводе от Аделины. Марко улыбнулся.

— Работает... — прошептал он.

Через полчаса он уже шёл по улице — быстрее, чем обычно, живее. Внутри снова что-то включилось. Букмекерская контора встретила знакомым напряжением. Экраны светились, цифры двигались. Люди сидели и стояли, нервно следили за происходящим. Марко подошёл ближе. Сегодня играла местная команда против крепкого середняка. Пока игроки разминались на экране, в нижнем углу телевизора без звука крутили новости. Марко сначала не обращал внимания, но кадр вдруг притянул взгляд: полицейская лента, белый тент, очередная жертва.

Он отвернулся, пробормотал:

— Да отстаньте вы уже...

Но экран снова оказался перед глазами — на несколько долгих секунд. Что-то было не так. Не в самой жертве, а в фотографии. Марко наклонился ближе. Тело лежало слишком аккуратно, словно кто-то специально уложил человека после смерти. В памяти всплыли другие снимки: та же странная аккуратность, та же почти театральная завершенность сцены. Будто убийца не просто убивал — ему было важно оставить после себя определённую картину. Плечи невольно напряглись.

— Нет, — Марко резко сменил позу, отвернувшись от те-

левизора. — Опять начинается.

В прошлом он уже попадал в ловушку: находил закономерности там, где их не было, — и следом шли десятки бессонных ночей. Он заставил себя сосредоточиться на матче. Ставки были понятнее людей. И точно безопаснее собственных мыслей.

— Ну хоть здесь...

Он не анализировал, не смотрел коэффициенты, не думал — просто поставил на победу своих. Сел и уставился в экран. Матч начался. Команды присматривались друг к другу: белые против тёмно-синих. Мяч ходил от одной половины поля к другой, как маятник. Марко подался вперёд.

— Давай!

Первый тайм. Моменты были, у его команды — чуть больше: удары, подходы. Один раз — почти. Марко встал.

— Да ну... Давай!

Но мяч прошёл мимо. Вратарь соперника тянул всё — спокойно, холодно. Второй тайм. Темп и нерв выросли, ошибки участились. Соперник начал отвечать — опасные контратаки, одна за другой. Марко уже не сидел — стоял, сжимая кулаки.

— Только не сейчас...

Минуты таяли, шансы — тоже. Последние атаки: навес, удар — мимо. Свисток. 0:0. Тишина в голове наступила раньше, чем на экране погасли цифры.

— Ну конечно... Из двух вариантов... Обязательно третий.

Он провёл рукой по лицу. Деньги — всё. Снова. Он даже не злился — не в этот раз. Просто сидел. Пусто.

— Красиво... Очень красиво.

Медленно встал и пошёл к выходу.

— Минус деньги... Минус доверие...

Остановился, глянул в отражение витрины.

— Плюс ещё одна ложь.

И вдруг лицо изменилось — серьёзнее, глубже.

— Вот из-за этого... ты и ушёл.

Имя он не произнёс, но оно повисло в воздухе: Рико. Марко закрыл глаза.

— Я запутался...

Марко вышел на улицу, сунул руки в карманы и направился к парку. Пусто. Ни гитары, ни Киро. Только ветер гонял по дорожке сухие листья.

— Отлично, — процедил он и обошел парк еще раз. Потом резко свернул в переулок — туда, где мог оказаться тот парень.

Он действительно был на месте. При виде Марко его плечи сразу напряглись.

— Это опять вы.

— Опять я.

— Чего надо?

— Киро где?

— На работе.

— Где?

— Зачем вам?

— Я же говорил, мы работали раньше вместе. Вот думаю вернуться. Нужно проконсультироваться с другом.

Парень поколебался, потом все-таки назвал место.

— Спасибо.

Марко ждал почти сорок минут. Наконец двери открылись, и появился Киро — с телефоном возле уха.

— Да, хорошо. — Улыбка тронула его губы. — Нет, не забуду. Куплю. Как ты? — Тон стал мягче. — Хорошо. Люблю тебя. Скоро буду.

Он убрал телефон, заметил Марко.

— Привет. Что случилось?

— Ничего.

— Да это я вижу, что ничего хорошего.

— Возможно.

Киро бросил взгляд на циферблат.

— Я немного спешу. — Резко указал в сторону парковки. — Поехали.

— Куда?

— Со мной. По дороге расскажешь.

Первой остановкой стала аптека, следом — продуктовый, потом ещё какой-то магазин. Марко сидел рядом и чувствовал себя всё более жалко. Пакетов становилось больше. А его достоинства меньше. Киро слушал внимательно, не перебивал. Иногда задавал короткие вопросы, иногда чуть наклонял голову, показывая, что слышит. Марко выложил ровно

столько, сколько мог вынести: денег нет, работы нет, жена ушла, детей забрала — жизнь катится к чёрту. Киро подобрал слова, будто каждое имело вес.

— А почему ты пришёл ко мне?

Марко сжал колени, удерживая дрожь в голосе.

— В смысле?

— Почему не к Рико?

— Не хочу об этом говорить.

— Хорошо.

Больше он не спрашивал. Через минуту произнёс ровно:

— А как ты вообще меня нашёл?

— Недавно я видел, как ты помогаешь пацану.

Лицо Киро сразу потемнело.

— Не лезь к нему.

— Что?

— Не лезь.

— Почему?

— Потому что у него и так проблем хватает.

Марко вскинул голову.

— Да я ему ничего не сделал.

— И не делай.

— Ладно.

Машина катила вперёд. Через минуту Марко не выдержал, резко наклонившись вперёд:

— Ты чего вообще с ним носишься?

— Потому что он похож на меня.

— Чем?

— Жизнью. — Киро перестроился в другой ряд. — У него дома постоянный бардак, денег нет, никому особенно не нужен, но всё равно хочет заниматься музыкой.

— И что?

— И ничего. — Он чуть помедлил. — Когда-то мне тоже кто-то помог.

Марко отвернулся к стеклу, но тут же снова подался вперёд.

— И теперь долг возвращаешь?

Через несколько минут Киро резко сменил тему:

— Слушай, если есть хочешь — поехали к нам. Сара ужин готовит. Поедим.

Марко дёрнулся.

— Чего?

— Если негде жить — можешь какое-то время у нас остановиться.

— Не надо.

— Если нужна помощь с работой — подумаем.

— Не надо.

— Хорошо. Но если тебе нужны просто деньги, то я высажу тебя где скажешь, и на этом всё.

— Просто деньги? — Марко подался ближе, голос стал жёстче.

— Да.

— То есть сейчас ты меня пожалел?

— Нет.

— А выглядит именно так.

— Марко...

— Решил доброго самаритянина из себя строить?

Киро крепче сжал руль, кожа сиденья скрипнула.

— Нет.

— Тогда что?

— Я пытаюсь понять, чего ты хочешь.

— Денег нет. Жрать нечего. Семья разваливается. Как ду-
маешь?

Киро не торопился отвечать, и в этой задержке прозвучал
не упрёк, а расчёт.

— Тогда почему ты просишь деньги, а не помощь?

— Что?

— Это разные вещи.

— Конечно, давай порассуждаем об этом.

— Знаешь, кого ты мне сейчас напоминаешь?

Марко стиснул зубы.

— Рико.

В салоне повисла колючая пауза, которую Киро не стал
заполнять.

— Не смей.

— Почему?

— Потому что ты ничего не знаешь.

— Знаю.

— Нет.

— Знаю. — Киро держал курс ровно, не отклоняясь ни на градус. — Он тоже всегда просил меньше, чем ему было нужно.

— Не сравнивай нас.

— Почему?

— Потому что я не он.

— Именно. — Тон Киро стал глухим. — Разница в том, что когда Рико было плохо, он просил помощь ради других. А ты сейчас просишь деньги, чтобы продолжать делать то, что привело тебя сюда.

Слова ударили точно. Марко сжал кулаки, но не произнёс ни звука.

— Пошёл к чёрту.

— Это неправда?

— Пошёл к чёрту.

— Ты проиграл последние деньги? Потерял работу, уважение друзей и жены?

Тишина стала ответом.

— Ты не изменился, Марко. Сначала ты жил играя, а теперь сама игра управляет тобой.

Марко выдохнул, будто из него выбили воздух.

— Останови машину.

— Марко.

— Останови машину.

— Послушай.

— Останови. Я хочу спастись! Я знаю, кто я после всего,

но я хочу из этого выбраться!

Киро щёлкнул поворотником. Машина плавно притёрлась к тротуару. Марко рванул ручку.

— Не все могут спастись, Марко.

— Теперь понимаю, почему ты ушёл.

Киро резко повернулся.

— Что?

— Теперь понимаю, почему Рико тебя бросил.

На лице Киро проступила острая, короткая тень — и исчезла. Марко успел её заметить. И в этом мгновении ему стало легче — будто он наконец пробил броню. Он вышел и хлопнул дверью. Киро остался на месте. Не шевелился, пока Марко уходил прочь, не оборачиваясь. Машина стояла, как точка в конце фразы, которую никто не хотел произносить.

Утро казалось серым, будто дождь всё ещё шёл. Марко почти не спал. Лежал, глядя в потолок, пока время текло мимо, не оставляя следов. Когда в дверь постучали, он даже не удивился.

— Марко, собирайтесь.

— Куда на этот раз?

— Следственный эксперимент. Вы сами вчера хотели разобраться.

— Хотел... — тихо повторил он.

В машине Марко сидел сзади, глядя в окно. Впереди — водитель, рядом — сотрудник. И Роза. Она сидела вполоборота, внимательно отслеживая каждую его реакцию.

— Как вы себя чувствуете? — спокойно спросила она.

— Как человек, которого ведут туда, где всё пошло не так.

— Это не место, — мягко уточнила она. — Это воспоминание.

— Разница есть?

— Существенная. С воспоминанием можно работать.

Он отвернулся к окну.

— Попробуем...

Дом Каролины днём выглядел иначе: светлым, спокойным, слишком нормальным. Лента уже исчезла, следы почти тоже. Марко остановился у калитки. Пальцы непроизвольно дрогнули, словно хотели набрать код.

— Не торопитесь, — тихо сказала Роза. — Сначала зафиксируйте, что вы видите.

Он огляделся.

— Дом... Калитка. Камера... Раньше её не было.

Следователь отметил это.

— Продолжайте.

Марко прошёл внутрь.

— Здесь я поднимался... Быстро. Почти бежал.

— Что вы чувствовали в тот момент? — спросила Роза.

— Спешку. И... странное ощущение, что я опоздаю.

— Это важно. Продолжайте.

Дверь квартиры — новая, чужая.

— Здесь, — он остановился. — Я звонил.

— Покажите, как именно.

Он поднял руку, задержал её в воздухе, потом нажал кнопку.

— Она открыла почти сразу, — сказал он.

— Вы были внутри? — спросил следователь.

— Нет.

— Пересекали порог?

— Нет.

Только внимательный взгляд мог заметить: дверь заменена, на ступенях — следы недавней чистки. Роза спокойно добавила:

— Это подтверждается трасологией. Следы внутри квартиры принадлежат только жильцам и нападавшему.

Марко посмотрел на неё.

— Значит... — тихо сказал он, — я действительно не успел.

Роза не подтвердила. Но и не опровергла.

— Вы сделали то, что могли в тот момент, — сказала она.

— Красиво звучит.

— Это факт, а не утешение.

Следователь сделал пометку.

— Достаточно. Едем дальше.

Место, где напали на Виктора, находилось в другой части города. Марко вышел из машины, осмотрелся.

— Я... Я здесь никогда не был.

— Это мы и проверяем, — спокойно ответил следователь.

Марко сделал несколько шагов вперёд, остановился у ме-

ста, где на асфальте всё ещё угадывались тёмные пятна — даже после дождей.

— Здесь его нашли, — сказал сотрудник.

Марко присел, провёл рукой над пятном, не касаясь.

— Много крови...

Роза стояла рядом, не вмешиваясь.

— Попробуйте представить последовательность событий.

Марко закрыл глаза.

— Напали быстро. Без разговора.

— Почему вы так думаете?

— Потому что он бы кричал... А тут слишком тихо.

Следователь переглянулся с коллегой.

— Продолжайте.

— Несколько ударов... — он говорил медленно, будто подбирая каждое слово. — Целенаправленно. Не хаотично.

— Вы говорите это как предположение или как ощущение? — мягко уточнила Роза.

Марко открыл глаза.

— Как понимание. Это не первый раз.

Следователь внимательно посмотрел на него.

— Что вы имеете в виду?

— Стиль... — Марко запнулся. — Похоже на того, кто знает, что делает. Но это не я.

Роза сделала шаг вперёд.

— На данный момент у нас есть несколько объективных факторов. Первое: отсутствие Марко в радиусе происше-

ствия по данным камер и геолокации. Второе: несоответствие физического профиля. — Она кивнула в сторону Марко. — Нападавший действовал быстро, точно, с контролем силы. Марко в текущем состоянии демонстрирует моторную нестабильность.

— Это вы мягко сказали, — невольно засмеялся Марко.

— Третье: поведенческая линия. Марко стремится к контакту, а не к сокрытию. Он идёт к потенциальным жертвам, а не избегает их.

— Его реакция на стимулы не совпадает с реакцией организованного агрессора, — добавила Роза.

— То есть? — Марко посмотрел на неё.

— Вы реагируете. Не управляете.

— В целом... — следователь выпрямился, — версия с Марко как исполнителем или соучастником теряет основания.

Марко медленно поднялся.

— Спасибо... — пробормотал он. Но голос был пустой.

Он вдруг повернулся к следователю.

— А Виктор?..

— Что?

— Он... жив?

— Да.

Марко резко выпрямился.

— Тогда проведите очную ставку.

Следователь прищурился.

— Зачем?

— Потому что он видел нападавшего. Если это был я — он скажет.

Роза внимательно наблюдала за ним.

— Это осознанное решение? — тихо спросила она.

Марко посмотрел на неё.

— Да. Я хочу закрыть этот вопрос.

— Хорошо.

Больница.

— Он в тяжёлом состоянии, — предупредил врач.

Дверь открылась. Палата. Виктор лежал почти неподвижно: бледное лицо, перевязки, трубки. Он медленно открыл глаза и посмотрел на Марко с усилием. Следователь подошёл ближе.

— Узнаёте его?

Виктор чуть сдвинул взгляд, сфокусировался.

— Да... — еле слышно.

Марко напрягся.

— Это он напал на вас?

Каждая секунда тянулась. Виктор медленно мотнул головой.

— Нет...

Марко закрыл глаза. Будто отпустило.

— Хорошо. — Следователь достал телефон, показал фотографию. — А этого человека вы видели?

Марко увидел: Рико. Виктор долго смотрел, пытался

вспомнить. Потом — едва заметное движение головы.

— Нет...

— Уверены?

Виктор с усилием открыл глаза.

— Не он...

Следователь нахмурился.

— Тогда опишите нападавшего.

Виктор закрыл глаза, собрался с силами.

— Рост... — голос был слабым, прерывистым. — Средний...

Следователь быстро записывал.

— Точно не высокий?

— Нет... Ниже, чем он... — слабое движение в сторону фотографии. Рико.

Роза внимательно посмотрела на следователя. Тот сделал пометку. Картина начинала складываться — в ней не было ни Марко, ни Рико. Пока.

Он шёл быстрее, чем обычно, — не потому что спешил, а потому что не мог остановиться. Свернул раньше, чем понял это. Дорожка, редкие фонари, тёмные силуэты деревьев — всё узнавалось без усилия. Ноги помнили. Марко остановился и осмотрелся, будто кто-то мог остаться незамеченным. Скамейка — та же. Дорожка — та же. Вода рядом тянет холодом. Он сделал несколько шагов вперёд и встал почти там же, где стоял несколько дней назад. Закрыл глаза. Секунда. Две. Десять. Ничего. Сжал зубы сильнее, чем нужно, и от-

крыл глаза. Река лежала спокойно, отражая уходящий свет. Красиво. Слишком спокойно для того, что происходило у него внутри.

И тогда он заметил: человек у самой воды, на скамейке. Сидит один, крошит хлеб. Утки собираются ближе, лениво толкаются. Картина слишком обычная, чтобы быть случайной. Марко двинулся к нему — медленно, осторожно, будто если ускорится, всё исчезнет. Чем ближе — тем отчётливее детали: чёрное пальто, слегка седые волосы, очки с круглой оправой. Лицо почти скрыто светом — солнце бьёт прямо в него. Марко остановился рядом.

— Можно?

Мужчина не повернул головы. Лишь едва заметно кивнул. Несколько секунд они сидели молча. Только вода и редкое кряканье. Марко чувствовал, как внутри поднимается знакомое напряжение — то самое, перед тем как всё рушится или, наоборот, наконец становится ясным. Он не решался повернуть голову.

— Ты кого-то ищешь?

Голос спокойный, без давления.

— Да. Друга. Хотя... Пока я нахожу только галлюцинации.

— Вся жизнь — одна большая галлюцинация. Вопрос лишь в том, кто управляет ею.

— Тогда я плохой оператор.

— Или просто не знаешь, что хочешь увидеть.

— Я не знаю, чего хочу... Я просто хочу найти его.

— Зачем?

— Чтобы покаяться.

— В чём?

Марко сжал пальцы.

— В том, что не смог. Не понял вовремя. Не остался. Не удержал. Потерял всё, что имел.

Тишина не давила. Она держала.

— Амиго, ну а теперь-то ты знаешь, что делать?

Марко в ужасе медленно повернул голову. Свет больше не мешал.

Рико.

Тот же — и совсем другой. Легкая седина на висках, очки, усталость в лице, которая не уходит даже в покое. Марко не двинулся. Несколько секунд он просто смотрел.

— Ты ведь уже догадываешься, да?

— Да, — Рико не отвёл взгляда. — Давно.

Марко опустил голову.

— Я искал тебя. Везде. Слышишь? Везде. — Слова выходили резко. — Я в участке каждый день, как на работу. Они тебя ищут. Все ищут.

— Знаю.

Марко поднял голову.

— Знаешь?

— Когда это всё началось, я сам к ним пришёл. По работе. По журналистике. Тогда меня впервые начали подозревать.

— И долго тебя допрашивали?

— Нет. Быстро отпустили. Потом новые убийства. Я снова пришёл сам. Снова отпустили. Сказали, у них нет ничего против меня.

— Конечно нет... Я тебя искал. А ты... просто исчез.

— Я видел тебя.

— Что?

— Здесь. В этом парке. Не раз. — Рико чуть повернул голову к воде. — Ты был настолько не в себе, что не замечал.

Марко сжал челюсть.

— Отлично. Значит, я разговаривал с воздухом не один раз.

— Нет. Просто не с тем, с кем хотел.

Марко резко повернулся к нему.

— Почему ты не подошёл?

— Потому что ты не был готов слушать.

Марко хотел ответить — не смог. Рико посмотрел на воду.

— Как ты думал, чем это закончится?

— Я... Я хотел вернуть хоть что-то. Сначала — ради семьи. Потом... просто гнался за остатками.

— Остатки не возвращают целое.

— Ты снова стал философом.

— Нет. Просто устал от иллюзий.

Рико указал в сторону воды.

— Посмотри. Ничего не стоит. Но работает.

Марко посмотрел: утки, вода, свет.

— Похоже на детство, — тихо сказал он. — Когда тебе

дают то, что ты давно хотел.

— Вот. — Рико чуть улыбнулся. — Самое лучшее — оно бесплатно. Мы просто слишком заняты, чтобы это заметить.

Где-то за спиной раздались голоса.

— Представляешь, Франко убили!

— Когда?

— Только что. Там уже полиция.

Слова пролетели мимо — и зацепились. Рико сжал челюсти.

— Опять.

Марко повернулся к нему.

— Ты слышал?

— Слышал.

— Это не ты.

Не вопрос. Утверждение. Рико чуть качнул головой.

— Я был здесь.

Марко закрыл глаза на секунду. Ещё один кусок встал на место.

— Тогда кто?

— Вот это мне и не нравится. Слишком точно. Слишком лично. Виктор. Теперь Франко... Люди, с которыми у меня были счёты.

— Значит, кто-то... помогает?

— Или играет.

Рико провёл пальцами по кромке скамейки.

— Когда всё это началось, я был с семьёй. Далеко отсюда.

И впервые подумал — может, не возвращаться.

— И?

— Вернулся. Сейчас понимаю — зря.

— Поздно уже жалеть.

— Я не жалею. — Рико посмотрел прямо. — Я считаю.

— Значит, мы это разберём.

— Нет.

— В смысле?

— С меня хватит. У меня семья. Дочь. Мне не нужно это снова.

Марко бросил с иронией:

— Серьёзно? Ты сейчас говоришь, что просто отойдёшь в сторону?

— Да.

— Я тебя не узнаю.

— Это нормально. Я сам себя не узнаю.

Марко наклонился вперёд.

— Нам по тридцать пять. Это не возраст, чтобы списывать себя.

— Это возраст, чтобы выбирать, где остановиться.

— И ты выбрал... уток кормить?

— Лучше, чем кормить собственные ошибки.

— Ладно... Тогда просто скажи: ты правда думаешь, что это кто-то, кто нас знает?

— Да.

— И тебе не интересно кто?

Рико посмотрел на него долго.

— Интересно. Но не настолько, чтобы снова всё потерять.

Марко опустил взгляд.

— Я уже потерял.

Рико чуть смягчился.

— Знаю.

Марко поднялся первым.

— Пошли.

— Куда?

— Ко мне. У меня теперь... холостяцкая жизнь.

— Знаю.

— Конечно знаешь.

— Пошли.

Они двинулись по дорожке — медленно, рядом. Как раньше — и совсем иначе. И впервые за долгое время Марко чувствовал не давление, а направление.

Утро пришло резко. Марко проснулся от звонка в дверь — сначала одного, затем настойчивого, с короткими интервалами. Голова отзывалась тупой болью. На полу по старой привычке, среди разбросанных вещей, лежал Рико. Он нащупал телефон.

— Алло... Кто это...

— Дружище, вообще-то в дверь звонят.

Рико задумался на секунду, затем медленно сел.

— Лучше бы ты дверной звонок проиграл.

Он поднялся, провёл рукой по лицу и пошёл к двери. От-

крыл — и сразу выпрямился.

— А ты как здесь? Как ты меня нашла?

На пороге стояла Дина. Она не заходила. Просто смотрела.

— Вчера, когда ты был пьян и признавался мне в любви, ты сообщил адрес и попросил забрать тебя.

Из глубины квартиры донеслось:

— Я смотрю, даже на повелителя ада нашёлся свой каблук.

Рико прикрыл глаза на секунду.

— И почему ты меня не забрала?

— Я детектив, а не санитар. Чего тебе не хватает? Лучше бы Еву из школы чаще забирал. Её уже какой-то мальчик провожает.

— А это к чему?

— А к тому, что ты вчера забыл нажать «завершить вызов». — Она отступила на шаг. — Я в машине. У тебя пятнадцать минут. Надеюсь, одежда у тебя есть.

Дверь закрылась. Рико несколько секунд стоял неподвижно, затем резко развернулся и начал искать вещи. Марко наблюдал, не скрывая улыбки.

— Да вы посмотрите. Ждёт его в машине, таймер поставила... Амиго, кто-то тебя строит.

Рико бросил на него короткий взгляд, но ничего не сказал, продолжая собираться. Марко поднялся.

— Слушай... — он задержал его на секунду. — Как она?

Рико остановился. Вопрос будто замедлил его.

— Хорошо.

— Выглядит... Вообще не изменилась.

Рико едва заметно улыбнулся. В этой улыбке было что-то тихое, почти личное.

— Моя девочка в тридцать выглядит так же, как в девятнадцать. — Он на секунду задумался. — Помнишь, она на дизайнера училась?

— Конечно.

— Не пошла дальше. Потом поступила на психолога. Закончила с отличием. Теперь работает в детективном агентстве.

Марко приподнял бровь.

— Серьёзно? Тогда у вас дома готовый специалист по серийникам.

— Не начинай! Я туда больше не лезу.

— У нас, кстати, теперь есть общее. Я тоже с психологом познакомился.

— Помогло?

— Пока нет.

Рико сжал губы, будто ответ был ожидаем.

— Дети как?

Марко отвёл глаза.

— Я... несколько месяцев их не видел.

— А ты? — Марко попытался сменить тон. — Не завёл ещё одного?

— Амиго... С тем, что было... После... онкологии... чудо, что Ева вообще есть. Да и я тоже.

— Понял.

Они обнялись быстро, без лишних слов.

— Не пропадай.

— Постараюсь.

Дина ждала в машине. Руки на руле, взгляд вперёд. Рикосел рядом.

— Ты серьёзно?

Он вздохнул.

— Доброе утро.

— Не уходи от ответа.

Она повернулась к нему полностью. И только сейчас, при свете, можно было разглядеть её по-настоящему. Невероятно красивая голубоглазая блондинка с длинными волосами, утончёнными чертами лица и выразительным взглядом — её внешность словно сошла с картины, напоминая ангела. Высокие скулы, аккуратный нос, мягкая линия губ, светлая кожа с лёгким румянцем. Большие чистые глаза, в которых сейчас было не спокойствие, а напряжение. Всё в ней оставалось гармоничным — и именно это делало её опасной, когда она злилась. С годами она не изменилась — стала точнее.

— Ты пропал. — Голос низкий, сдержанный. — Ты не берёшь трубку. Я слышу, как ты... — Она остановилась. — В каком ты состоянии. И потом нахожу тебя вот так.

— Я не...

— Не начинай.

Он опустил глаза.

— Я просто встретился с Марко.

— В таком виде?

— Случайно.

Она отвернулась, завела двигатель.

— Ты всегда находишься «случайно» там, где не надо.

Машина тронулась.

— Ты помнишь, как это начинается?

Он ничего не ответил.

— Я помню. — Она сжала руль. — Я была рядом, когда ты выбирался. И не хочу проходить это ещё раз.

— Не придётся.

— Ты уже там.

— Я контролирую.

— Ты всегда так говоришь.

Ева стояла в дверях комнаты — уже одетая, с рюкзаком за плечами.

— Папа? Ты правда супергерой?

— Что?

Дина прошла мимо.

— Она не могла уснуть. Пришлось что-то придумать.

Ева смотрела серьёзно, не по-детски. Рико подошёл ближе, присел.

— А ты как думаешь?

— Если мама сказала — значит, да. — Она чуть прищу-

рилась. — Но ты выглядишь не как супергерой.

— Работа такая.

— Тогда не опаздывай в следующий раз.

— Договорились.

Он поднялся. Дина уже накрывала на стол.

— Садись. Раз уж ты дома. От тебя скоро отстанут. Подозрения сняты.

— Странно. Все это понимают, а ощущение, будто списал.

— А Марко?

— Судя по всему, он сказал, что это он, а не я.

— Логично.

— В глубине души он сомневался.

— А ты?

— На секунду — да.

Она внимательно посмотрела на него.

— И? Ты мог бы?

— Нет. — Он качнул головой. — У меня были другие методы.

— Например?

— Я хотел, чтобы человек понял, за что. Без... лишнего.

— Ты всегда говорил, что врагов нужно ненавидеть.

— И сейчас говорю.

— Но звучишь иначе.

— Потому что знаю цену.

Дина опустила взгляд на чашку.

— Надеюсь, это скоро закончится. Страшно отпускать её

одну.

Рико задумался.

— Быть может, так... Хорошо, если так.

Глава 4. «Самое лучшее — оно бесплатно»

Друзья встретились у ларька с кофе через пару дней после той ночевки. Марко выглядел чуть лучше — по крайней мере, был трезв и даже попытался причесаться. Рико протянул ему стаканчик.

— Ты всё ещё живёшь как в берлоге?

— Уже навожу порядок, — буркнул Марко. — Понял, что засор из бутылок отпугивает не только тараканов, но и жену.

— Это прогресс.

Они медленно шли вдоль набережной. Осенний ветер гнал по асфальту жёлтые листья. Рико молчал, глядя себе под ноги. Марко первым нарушил тишину.

— Ты чего такой? Как варёный.

— Да так. Дома всё хорошо. Только внутри, — он постукал себя пальцем по груди, — как в выключенной духовке. Знаешь это чувство, когда все тревоги позади, а новые так и не появились? Никакого огня. Никакого драйва. Сидишь и разлагаешься в уюте.

Марко тихо рассмеялся.

— Я бы с тобой махнулся. У меня драйва хоть отбавляй — того гляди крыша поедет. А ты со своей тихой жизнью как с тоской по драке.

— Я не по драке тоскую. По смыслу. Раньше я знал, ради чего встаю. Сначала ради мести, потом ради любви, потом ради семьи. А теперь всё это есть, а цели нет. Я превратился в обслуживающий персонал своей же жизни. Думаешь, это нормально?

— Думаю, мы с тобой два сапога пара, — Марко швырнул пустой стаканчик в урну мимо и даже не заметил промаха. — Только я тону в хаосе, а ты гниёшь в порядке.

Рико остановился. Слова друга, как ни странно, попали в самую точку.

— Вот именно, — тихо сказал он. — И нужно что-то менять.

Вечером Рико с дочерью отправились на прогулку. Ева выбежала раньше него, едва он взял куртку. На ходу заплетала волосы в слабый хвост, но через пару шагов отпустила — тёмно-каштановые волны снова рассыпались по плечам. Она шла быстро, почти вприпрыжку, время от времени оборачиваясь — проверяя, идёт ли он за ней.

— Пап, ну давай быстрее.

— Я не убегаю.

— А я убегаю.

Он догнал её у входа в парк. Она уже стояла там, чуть запыхавшись, с этим своим внимательным, слишком взрослым для десяти лет взглядом. Большие карие глаза ловили всё — людей, свет, его самого. Иногда ему казалось, что она замечает больше, чем говорит.

— Готова?

— Всегда.

Они пошли по аллее. Ева то ускорялась, то замедлялась, подстраиваясь под его шаг, но не выдерживала — снова уносились вперёд. Смех легко срывался с губ, и на секунду всё вокруг становилось проще. Она резко остановилась.

— Пап, а ты когда-нибудь был в космосе?

Рико посмотрел в сторону.

— Нет. Но я читал о нём достаточно, чтобы туда не спешить.

— Почему?

Она повернулась к нему всем корпусом. Волосы соскользнули вперёд, задели щёки.

— Там красиво.

— Красиво — не значит безопасно.

— А здесь безопасно?

Рико помолчал.

— Нет.

Она приняла это спокойно, будто другого ответа и не ожидала.

— А если есть планета, где всё по-другому? Где люди не... злые?

— Может, и есть. Но это значит, что злые люди ещё только в пути туда.

Ева скривилась.

— Ты всё портишь.

— Я проверяю.

— Ладно. Тогда я найду её первая.

— Договорились.

Она улыбнулась — и снова побежала.

— Пап, смотри!

Она стояла у дерева, тянулась вверх, почти подпрыгивая.

Рико подошёл ближе. На ветке висел шар. Неяркий, почти прозрачный — пока свет не цеплялся за грани. Тогда внутри вспыхивали мягкие переливы.

— Дай-ка.

Он снял его. Тяжёлый. Слишком. Внутри не просто свет — движение. Как будто тонкие линии перетекали одна в другую. Ева уже стояла рядом, почти прижавшись плечом.

— Можно?

Он передал. Она осторожно взяла, как что-то живое.

— Пап... смотри. Это как... как карта.

Он наклонился ближе. Внутри действительно проступали структуры. Не хаос — порядок. Точки, соединённые тонкими нитями.

— Видишь? Вот тут как будто... дорога. И здесь ещё одна.

— Похоже.

— Это космос?

— Возможно.

Она подняла на него глаза — глубокие, внимательные.

— А может, это не космос.

Рико чуть прищурился.

— А что?

— Не знаю. Но оно как будто... смотрит.

Он забрал шар обратно. Теперь линии двигались быстрее.

И на секунду — слишком короткую, чтобы быть уверенным

— сложились в знакомый узор. Рико сжал шар сильнее.

— Пап?

— Ничего.

— Ты его боишься?

— Нет.

Голос прозвучал так, будто стоял рядом уже давно:

— Вы нашли его?

Рико обернулся. Мужчина. Старше, но не дряхлый. Лицо спокойное, почти мягкое, только глаза — внимательные, как у врача перед диагнозом.

— Да.

— Можно?

Он протянул руку. Рико не спешил.

— Это ваше?

— Теперь — да.

Ева чуть сдвинулась ближе к Рико.

— А что это?

— То, что показывает.

— Что именно?

— Зависит от того, кто смотрит.

Рико протянул шар. Мужчина взял его осторожно, почти бережно.

— Вы уже посмотрели?

— Немного.

— И что увидели?

— Пока ничего.

Тот едва заметно улыбнулся.

— Значит, увидите позже.

Он развернулся и пошёл. Шаги были тихими. Слишком. Через несколько секунд его уже не было видно, хотя аллея тянулась прямо. Ева проводила его взглядом.

— Он странный.

— Да.

— Мне не понравилось, как он на тебя смотрел.

— Мне тоже.

Она взяла его за руку. Крепко.

— Пойдём домой?

— Пойдём.

Дома Ева пришла в комнату отца и устроилась рядом, волосы рассыпались, закрыли половину лица. Она откинула их назад привычным движением и посмотрела на него так, будто разговор в парке не закончился.

— Ты обещал про космос.

Он достал старую книгу. Пожелтевшие страницы, пометки на полях.

— Когда я был маленьким, я хотел стать астронавтом.

— Правда?

— Да.

— И что пошло не так?

Рико провёл пальцем по затёртому углу обложки.

— Я вырос.

Она не приняла ответ.

— Это не причина.

— Я понял, что люди сложнее.

— Сложнее космоса?

— Намного.

Она задумалась, медленно проводя пальцем по странице.

— Тогда ты стал изучать людей?

— Можно и так сказать.

— И что ты понял?

Он откинулся на спинку дивана, взгляд скользнул к окну.

— Что иногда их нельзя спасти.

Её брови сошлись на переносице.

— А ты всё равно пытаешься?

— Иногда.

— Потому что хочешь?

— Потому что иначе не получается.

— Быть астронавтом не единственная моя детская мечта.

— Я так и знала. А что ещё?

Рико прочертил пальцем линию по обложке книги.

— Я хотел стать священником.

Она выпрямилась, глаза расширились.

— Серьёзно?

— Да.

— Почему?

Взгляд Рико скользнул мимо — туда, где память ещё не стала словами.

— Мне казалось, что это про ответы. Что если ты стоишь между людьми и чем-то большим... ты понимаешь больше остальных.

Он провёл ладонью по волосам, пальцы задержались на виске.

— И ты понимал?

Рико медленно качнул головой.

— Нет. Я только видел, как люди приходят с одними и теми же вопросами. И уходят с теми же.

— Тогда зачем?

Он повернулся к ней, взгляд стал мягче.

— Потому что иногда им было легче. Даже если ничего не менялось.

— А ты бы смог быть священником?

Губы Рико дрогнули в усмешке.

— Я попробовал.

Ева уловила это «попробовал», в глазах мелькнуло любопытство.

— И что?

Перед глазами на мгновение вспыхнули тени: тёмное помещение, чужой голос за тонкой перегородкой, чужая вина, которую нельзя взять на себя — и нельзя отпустить просто так. Он захлопнул книгу резким движением.

— Я понял, что мне не подходит форма.

— А что подходит?

Рико чуть сжал её плечо.

— Разговаривать с людьми без неё.

— Это как?

— Честнее.

Она чуть склонила голову, пытаясь осмыслить.

— А космос?

Он открыл книгу снова, провёл пальцем по затёртой странице.

— Космос проще. Там нет лжи.

— Тогда почему ты не выбрал его?

Рико посмотрел ей в глаза.

— Потому что здесь ты.

Ева улыбнулась и прижалась к нему.

— Тогда правильно выбрал.

Дина наблюдала из кухни. Когда Ева ушла спать, она подошла ближе.

— Хорошо играешь.

— Я не играю.

— Тогда это хуже.

Он захлопнул книгу резким движением.

— Ты слышала?

— Достаточно.

— И?

Она оперлась о стол.

— Ты снова втягиваешься.

— Я и не выходил.

— Нет. Ты просто делал вид.

Он повернулся к ней всем корпусом.

— Сегодня в парке...

— Я знаю, ты что-то увидел.

Он не удивился.

— Узор.

— Тот же?

— Да.

Она застыла на мгновение, дыхание сбилось.

— Это уже не случайность.

— Я тоже так думаю.

— И что ты собираешься делать?

Взгляд Рико метнулся к двери.

— Проверить.

— Даже не вздумай.

— Я аккуратно.

Она скрестила руки на груди.

— Ты не умеешь аккуратно.

Рико поднял руки вверх в знак того, что сдаётся.

— Как скажешь.

Рико долго сидел молча. Локти упирались в колени, пальцы сцепились в замок. Ева уже спала наверху, телевизор работал без звука, а за окном редкие машины рассекали мокрые улицы светом фар.

— Знаешь, что самое смешное? — тихо произнёс он. —

Я ведь действительно хотел стать священником.

Дина поставила кружку на стол.

— Я помню.

— Нет. Не помнишь. Никто не помнит.

Взгляд Рико оторвался от пола.

— Тогда мне казалось, что если научиться слушать чужую боль — своя станет тише.

— Не стала?

— Стала хуже.

Он потянулся к телефону, несколько секунд листал фотографии и развернул экран к ней. На снимке был старый медальон. Потёртый металл. Царапины на внутренней стороне складывались в странный узор. Дина взяла телефон, приблизила фото.

— Что это за знак? Я вижу букву и цифру. Но они сливаются.

Рико забрал телефон, всмотрелся.

— Слева — что-то вроде буквы «J», только более плавной, закруглённой. Справа — число «13», но угловатое, будто из острых геометрических линий.

— И где сейчас медальон?

Рико помедлил.

— Я отдал его Агате.

— Откуда он вообще взялся?

— Нашли ещё детьми.

Он провёл большим пальцем по краю телефона.

— Серхио тогда поднял его под кустами возле площадки.

Лизу будто током ударило, когда она дотронулась.

Имя прозвучало спокойно, но Дина всё равно уловила, как изменился его голос.

— Ты никогда мне не показывал.

— Потому что забыл.

— А теперь вспомнил?

— Нет. Он сам начал всплывать. Сначала — неделю назад.

Я делал репортаж возле старого вокзала. На стене был такой же символ. Кто-то выцарапал его ножом прямо на кирпиче.

Рико провёл ладонью по лицу, задержавшись на переносице.

— Потом увидел его в архиве. В старой газетной фотографии двухтысячных. На куртке одного из пожарных. Маленький значок на рукаве.

— А вчера...

Он замолчал, пальцы сжались на краю стола.

— Что вчера?

— Ева рисовала.

— И?

— Нарисовала этот знак.

Дина медленно выпрямилась.

— Случайно?

— Она сказала, что просто «так захотелось». Даже не поняла, что именно рисует.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги и положил на стол. Дина развернула. Детский рисунок. Дом, дерево, чёрная река и символ в углу страницы. Тот самый.

— Рико...

— Я не знаю, что это. Но в последнее время ощущение такое, будто кто-то специально таскает меня кругами по прошлому.

Дина ещё раз посмотрела на рисунок.

— Может, ты просто слишком много об этом думаешь.

— Возможно. После всего, что происходит в городе, это неудивительно.

— Звучит как диагноз.

А выглядит ещё хуже. Он накрыл её ладонь своей и слегка сжал, но взгляд оставался отсутствующим.

— Знаешь, что самое паршивое? Раньше у меня была цель. Выжить. Спасти. Доказать. А теперь... Я просыпаюсь утром, варю кофе, отвожу Еву в школу, пишу эти чёртовы репортажи о городском благоустройстве, проверяю счета — и чувствую, как с каждым днём становлюсь прозрачнее. Как будто меня залили в форму, которую я сам ненавижу.

Он указал на свой рабочий стол, заваленный бумагами.

— Это всё не моё. Я не для этого выкарабкивался. Я превратился в собственного отца, только без его напора. Тихий, удобный, домашний. Только внутри всё скребёт, как будто я забыл что-то важное. Не кого-то, а что-то. Себя прежнего, наверное. Того, кто не боялся влезть в драку, даже зная, что

проиграет.

Дина присела на подлокотник его кресла и положила руку ему на плечо. Он машинально прижался щекой к её запястью.

— Это просто кризис, — тихо сказала она. — Бывает.

— Нет, это не он. Это как сидеть в запертой комнате, где кислорода всё меньше. Вроде всё есть, а дышать нечем. И самое смешное — я сам закрыл эту дверь. Думал, так надо. Что покой — это и есть счастье. А оказалось — болото. Тёплое, безопасное, но болото.

Дина поднялась из-за стола и подошла ближе.

— Ты почти не спишь. Работаешь по ночам. Днём едешь к Марко. Потом возвращаешься и делаешь вид, что всё нормально.

— Я не делаю вид.

— Делаешь.

Она села рядом.

— Ты снова начинаешь исчезать.

Рико хотел возразить, но стиснул зубы. Марко стало хуже ещё весной прошлого года. Сначала Рико думал — обычный срыв. Потом понял: нет. Каждый раз, когда он вытаскивал его из очередного бара или слушал бессвязные ночные звонки, внутри поднималось знакомое чувство ответственности — старое, почти забытое.

— Я просто пытаюсь помочь ему.

— Я знаю.

Дина взяла его за руку.

— Но ты не замечаешь, как сам начинаешь тонуть рядом.

Взгляд Рико скользнул к окну.

— У него никого не осталось.

— У него есть жена. Пока ещё не бывшая.

— Которая устала.

— И правильно сделала.

Брови Рико сошлись на переносице.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да.

Она говорила спокойно, без раздражения.

— Потому что человек не может спасти того, кто сам не хочет выбраться.

— Марко хочет.

— Нет. Он хочет, чтобы его пожалели.

Рико резко поднялся и подошёл к окну.

— Ты его не видела раньше.

— А ты видел?

Он не ответил, стиснув зубы. Дина подошла со спины и обняла его.

— Я не против того, что ты ему помогаешь. Я против того, что ты снова забываешь про себя.

Рико опустил подбородок к груди.

— Иногда мне кажется, что если я отвернусь хоть на секунду — что-то случится.

— Уже случается.

Она прижалась лбом к его плечу.

— Я боюсь за тебя.

Рико медленно повернулся. В её глазах не было истерики.

Только усталость. И это пугало сильнее.

— Ты слишком много на себя берёшь.

Он коснулся её щеки.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь.

Голос сорвался на полуслове.

— Ты опять живёшь так, будто должен спасти весь мир.

— Мир переживёт.

— А ты?

Вопрос ударил точно. Взгляд Рико скользнул к окну.

— Марко нуждается в помощи.

— А твоя семья?

Рико провёл ладонью по лицу, задержавшись на виске.

— Я здесь.

— Физически — да.

Дина сжала его руку.

— Но мысленно ты всё время где-то далеко.

— Пап?

Ева сонно подошла к двери, прижимая к груди игрушечного лиса.

— Почему вы не спите?

Рико улыбнулся, голос стал мягче.

— Потому что одна маленькая девушка украла весь наш

режим.

Ева зевнула.

— Я воды хотела.

Дина протянула руку.

— Иди сюда.

Девочка подошла ближе, но вместо матери прижалась к Рико. Он машинально погладил её по волосам.

— Ты опять рисовала ночью?

— Немножко.

— Покажешь завтра?

— Если не будешь смеяться.

— Я никогда не смеюсь над твоими рисунками.

Ева подняла голову.

— Даже над страшными?

— Особенно над страшными.

Она чуть склонила голову.

— Там был странный знак.

Дина и Рико переглянулись.

— Какой знак?

— Не знаю. Просто красивый.

— Где ты его видела?

— Нигде.

Она пожала плечами.

— Он мне приснился.

Дина заметила, как напряглись его плечи.

— Эй.

Она осторожно коснулась его руки.

— Это просто сон.

Рико медленно провёл большим пальцем по краю кружки. Но спокойнее не стало.

Позже, когда Ева снова уснула, Дина сидела рядом с ним на кухне. Пальцы барабанили по столешнице.

— Как у Марко дела с Аделиной?

— Плохо.

— Настолько?

— Она подала на развод.

— Серьёзно?

— Да. Они пытались всё исправить. Но там слишком много накопилось.

— Из-за алкоголя?

— Не только.

Рико покрутил в пальцах зажигалку.

— Марко всегда хотел большего. Быстрее. Громче. Дороже. В какой-то момент он начал жить так, будто нормальная жизнь — это поражение.

— А Аделина?

— Устала тащить всё одна.

Дина изучала его лицо, будто видела впервые.

— Он ведь любил их.

— Любил.

— Тогда почему всё развалилось?

— Иногда человек так сильно боится почувствовать себя

ником... что уничтожает всё, что делало его живым.

Она не ответила. За окном проехала машина полиции. Синий свет на секунду скользнул по потолку. Дина тихо спросила:

— Есть новости по убийце?

— Только хуже.

— Подражатель?

— Возможно. Или человек, который слишком хорошо знает чужое прошлое.

— Подозреваемые?

— Кроме нас с Марко — никого.

Дина невольно улыбнулась.

— Классно.

— Особенно мне.

Она изучала его лицо.

— Рико, — позвала она, и звук её голоса был серьезнее, чем обычно, — я ведь вижу. Ты сам не свой последние месяцы. Нет, ты не срываешься, не пьёшь, делаешь всё, что нужно. Но ты будто затаил дыхание. Как спортсмен, который вышел на пенсию, но тело ещё помнит адреналин и требует нагрузки.

Он не ответил, только нервно крутил в пальцах зажигалку.

— Чего тебе не хватает? Только честно.

— Сам не знаю, — выдохнул он. — Вроде всё есть. Семья, дом, работа. Всё, о чём я мечтал в двадцать лет. А чувство такое, будто я это не заслужил. Или будто это не конец пу-

ти, а просто привал. Скучно, Дина. Мне просто невыносимо скучно. И от этого стыдно. Я стал бояться, что самое важное уже случилось, а впереди только повторение. Каждый день как предыдущий. Я перестал различать вторник и пятницу.

Дина прищурилась.

— И поэтому ты схватился за это расследование? За убийства? Ты же никогда не был журналистом-криминалистом.

— Это единственное, что заставляет мозг работать, а сердце — биться быстрее, — признался он. — Когда я смотрел на те знаки, читал сводки, в голове что-то щёлкало. Я снова чувствовал себя живым. Это ужасно, да? Радоваться тому, что кто-то убивает людей, потому что это разбивает твою скуку.

— Это не радость. Это голод. Ты профессионал, который заржавел без дела. Ты создан для того, чтобы распутывать узлы, а не полировать рутину.

Дина медленно поднялась.

— Пошли спать.

— Это приказ?

— Предупреждение.

Она остановилась возле лестницы.

— Завтра у нас будет серьёзный разговор.

Губы Рико дрогнули в усталой усмешке.

— Я так понимаю, ты решила из женской солидарности сделать то же, что и Аделина?

— Нет.

Она посмотрела прямо на него.

— Наоборот. Помочь тебе, а не утопить.

Вгляделась, прищурившись.

— И приведи себя в порядок. Выглядишь на все сто.

Дина не легла. Вернулась на кухню, достала из-под стопки журналов детский рисунок: дом, дерево, тёмная река и символ в углу. Положила лист рядом с ноутбуком, открыла защищённый архив с техническими планами старых зданий и начала накладывать узор поверх чертежей. Масштаб сошёлся, линии легли чётко. Три точки на карте подсветились жёлтым: заброшенный корпус, старый склад, неиспользуемое депо. Во всех трёх схемах вентиляционные решётки вели в одни и те же технические шахты. Она проверила данные на экране, сохранила файл и решила не передавать выводы никому. Закрыла ноутбук, обдумывая следующий шаг.

Утро началось неожиданно. Дина резко распахнула шторы.

— Подъём.

Рико сомкнул веки, поморщившись.

— Да каково... Я же просил, не делай так!

— Отлично. Значит, живой.

Она бросила на кровать его рубашку.

— Собирайся.

— Куда?

— Со мной.

— Это звучит как похищение.

Через двадцать минут Рико стоял в ванной и смотрел на своё отражение. Седины стало больше. Он машинально провёл рукой по волосам, потом достал машинку, краску и бритву. Когда спустился вниз, Дина медленно оглядела его с головы до ног.

— Ну вот.

— Что?

— Совсем другое дело. Ты что, подкрасился? Тебе идёт твой чёрный цвет, как у ворона.

— Да, вернул себя двадцатилетнего. И не начинай.

— Возьми документы.

— Что происходит?

— Ты правда думаешь, что я просто так устроила тебе утренний террор?

— С тобой никогда нельзя быть уверенным.

Дина взяла ключи от машины.

— Поехали.

Дорога заняла около сорока минут. Чем дальше они ехали от центра, тем мрачнее становились улицы. Лицо Рико потемнело.

— Ты решила продать меня на органы?

— Не исключено.

Машина остановилась возле старого четырёхэтажного здания. Только название: «Детективное агентство». Рико медленно повернулся к ней.

— Нет.

— Да.

— Дина!

— Даже не начинай.

Она вышла из машины.

— Ты журналист. Ты умеешь разговаривать с людьми. Умеешь замечать детали. И у тебя слишком большая совесть, чтобы пройти мимо.

— Это худшее собеседование в моей жизни.

— А ты ещё внутрь не зашёл.

Внутри детективного агентства пахло кофе, бумагой и техникой. Несколько человек сидели за компьютерами. На стене висела карта города с отмеченными точками. Рико сразу понял, какими именно. Убийства. Он остановился возле карты. Красные отметки тянулись через весь город. Слишком хаотично. И одновременно — слишком правильно.

— Красиво, да?

Невысокий мужчина лет пятидесяти подошёл ближе. Седые виски. Тяжёлый взгляд.

— Дина много о вас рассказывала.

— Надеюсь, только хорошее.

— Нет.

Мужчина протянул руку.

— Бернардо.

— Рико.

— Знаю.

Он указал на дверь кабинета.

— Поговорим?

Директор задавал вопросы быстро и жёстко: о работе, о прошлом, о пожарах, о связях в городе, о Марко, о том, почему Рико до сих пор лезет в чужие проблемы. Рико откинулся в кресле, разомкнув пальцы.

— У вас отвратительный характер, — констатировал глава агентства.

— Мне часто об этом говорят.

— И склонность к саморазрушению.

— Это уже семейное.

— Отлично. То, что надо. Берём.

Рико нахмурил брови.

— Что?

— Не радуйтесь раньше времени. Зарплата ужасная. Но большая. Работа ещё хуже.

Дина победно скрестила руки. Под её именем на служебной карточке значилось: «Старший криминальный аналитик и судебный психолог».

— Я же говорила.

— Ты вообще всё это заранее спланировала?

— Конечно.

Бернардо протянул ему папку.

— Поздравляю. С этого дня вы официально работаете с нами.

Рико открыл папку. На первой странице лежала фотография очередной жертвы. А в углу снимка, едва заметно, был

выцарапан знакомый символ. Тот самый. Улыбка медленно исчезла с его лица.

— Что это?

— А вы мне скажите.

Рико задержал взгляд на знаке.

— Кажется... Он преследует меня уже слишком давно.

Первые дни в агентстве больше напоминали испытательный срок, чем настоящую работу. Рико не дали ни оружия, ни допуска к оперативным выездам. Бернардо оказался человеком старой школы.

— Здесь все сначала учатся слушать. Люди любят играть в детективов, пока не увидят первый труп вблизи.

Ему выделили временное место возле архива: старый компьютер, горы папок, доступ к внутренней базе и бесконечные часы просмотра материалов по убийствам. За грязным стеклом архивного окна, на противоположной стороне улицы, Рико дважды за утро заметил одного и того же мужчину в тёмном плаще. Тот просто стоял у фонарного столба, курил, смотрел на входные двери. Рико отметил это, но не стал отвлекать коллег.

Дина появлялась рядом редко. Большую часть времени она проводила на допросах, беседовала с родственниками жертв или составляла психологический профиль преступника. Рико быстро понял: в агентстве её уважали. Даже оперативники вдвое старше притихали, стоило Дине заговорить. Она замечала детали, которые остальные пропускали: инто-

нации, страх, ложь. Но и сам Рико начал замечать мелочи: отражения в витринах напротив появлялись слишком часто, лифт приходилось ждать дольше обычного, прохожие будто невзначай оборачивались на вывеску агентства — и задерживали взгляд чуть дольше, чем нужно. Напряжение стягивало плечи, сжимало виски: никаких явных угроз, но каждая мелочь складывалась в одну тревожную картину.

Ему официально присвоили статус младшего следователя-консультанта. Формально — аналитик по внешним связям и журналистским архивам. Фактически — человек, которого Бернардо пока не решил, стоит ли подпускать к реальной работе.

На третий день Рико впервые оказался в морге. Запах ударил мгновенно: холод, белый свет, металлические столы. Дина стояла возле тела молодой женщины и листала материалы.

— Привыкай.

— Даже не планировал.

Она протянула ему фотографии.

— Четвёртая жертва за месяц.

Рико изучал снимки: разные районы, возраст, социальный статус — никакой логики. Но кое-что всё же повторялось.

— Они все выглядят так, будто убийца их знал.

— Почему?

— Нет показательной жестокости. Всё слишком аккуратно.

Дина поймала его взгляд.

— Бернардо сказал то же самое.

Рико сжал пальцы.

— Большинство жертв мне знакомы.

— Насколько близко?

— Некоторых видел по работе. С кем-то пересекался раньше. Одного мужчину помню ещё по пожарам.

Вечером он снова поехал к Марко. Тот сидел возле маленького бара недалеко от реки. По дороге Рико обратил внимание на чёрный автомобиль — тот третий раз за неделю попадался в зеркалах. Машина оказывалась там же, где был Марко: у бара, у съёмной квартиры, у старого моста. Кто-то точно выучил маршрут друга наизусть. Рико сжал губы, мысленно отмахнувшись: паранойя или привычка детектива?

— Ты хотя бы делаешь вид, что бросаешь пить.

Марко дёрнул уголком рта.

— Ради тебя стараюсь.

Рико сел рядом.

— Как дети?

Улыбка сразу исчезла.

— Аделина не даёт их видеть.

— Она злится.

— Она меня ненавидит.

— Это не одно и то же.

На следующий день Бернардо впервые взял его на внутреннее совещание. На стене висела карта города: фотографии жертв, распечатки звонков, красные линии между адре-

сами. Рико сразу заметил странность.

— Тут не хватает одной точки.

Бернардо оторвался от документов.

— Какой?

— Спортивного клуба на востоке.

— Почему именно его?

— Трое жертв были там зарегистрированы.

Бернардо постучал пальцами по столу.

— Продолжайте.

— Одна из девушек отмечала клуб в социальных сетях.

Второй мужчина работал рядом. А третья жертва попала на камеру возле парковки.

Через два часа они уже изучали материалы клуба: тренеры, администраторы, постоянные посетители. На первый взгляд — ничего. Но вечером в морге Дина заметила странную деталь. Небольшой брелок в форме сердца лежал среди личных вещей последней жертвы. Слишком дешёвый. Слишком детский. И совершенно не подходил женщине, которую нашли.

— Видел раньше такое?

Рико изучал вещь. Он перевернул брелок. На внутренней стороне — выцарапанный символ. Едва заметный.

— Опять?

— Ты знаешь этот знак?

— Нет.

Слова сорвались с губ слишком быстро. Дина уловила

фальшь.

— Рико.

— Я видел его раньше. Часто. Слишком часто. Ну что же, завтра начинается ноябрь. Месяц, который я больше всего ненавижу. И, похоже, в этот раз на это будет действительно достаточно причин.

Глава 5. «Будет его выбор. Или его конец.»

Они начали проверять окружение жертв: телефоны, социальные сети, финансовые переводы. Через несколько дней закономерность проявилась. Все жертвы посещали один и тот же фитнес-клуб. Бернардо дал разрешение на скрытое наблюдение. Дина работала под видом нового психолога-консультанта клуба. Рико изображал журналиста, готовящего материал о спортивной зависимости и городской тревожности. Тренер ёрзал на стуле. Администратор мямл в пальцах пустую пачку сигарет. Охранник избегал прямого взгляда, путал детали. Но доказательств всё равно не хватало.

На пятый день наблюдения Рико заметил мужчину в капюшоне. Тот стоял через дорогу, не сводя глаз с входа. Рико двинулся к нему — человек исчез. Только на мокром стекле автобусной остановки остался нарисованный пальцем очередной однотипный символ. Рико не стал ждать. Рванул через дорогу, не глядя на светофор. Силуэт в капюшоне мелькнул в переулке. Он бежал, петляя между припаркованными машинами, но незнакомец двигался быстрее, словно заранее знал маршрут. Выскочив на оживлённый перекрёсток, Рико потерял его из виду. В следующую секунду раздался визг

тормозов и глухой удар — тело перелетело через капот.

— Нет! — Рико бросился вперёд.

Водитель, бледный, выскочил из машины, прижал руку к губам. На асфальте быстро расплывалась лужа крови. Мужчина в капюшоне лежал на боку, неестественно вывернув ногу. Дыхание хрипело, прерывалось. Рико опустился на колени, встряхнул незнакомца за плечо.

— Слышишь меня? Зачем ты следил за нами? Что значит этот символ?

Губы незнакомца шевельнулись. Он с трудом выдохнул, захлёбываясь кровью:

— Это фамильный герб.

— Чей герб? Кто ты?!

Но глаза мужчины уже остекленели. Пульс пропал. Рико отпустил плечо, поднялся, достал телефон.

— Дина, срочно в мой кабинет. У нас труп. И, похоже, ключ ко всему, что происходит.

Через час Дина вошла с папкой. Лицо уставшее, но собранное.

— Установили личность. Мужчину звали Сальваторе. Частный детектив. Работал до 2009 года, потом все следы обрываются. Лицензия аннулирована, досье засекречено.

— Засекречено кем?

— Не указано. Дальше — белое пятно. Даже фото в открытых источниках нет.

Рико взял папку, пролистал. Ничего. Ни адресов, ни кон-

тактов, ни родственников. Чисто.

— Этого не может быть. У любого частного детектива остаётся бумажный след.

— У этого — нет. Единственное, что удалось выяснить: он работал на структуры, о которых не говорят вслух.

Рико поднялся.

— Значит, спросим у того, кто знает.

Он направился к кабинету Бернардо.

— Что вы знаете о Сальваторе?

Бернардо поднял голову от бумаг. В тот же миг его лицо потеряло привычную невозмутимость.

— Откуда ты узнал это имя?

— Он следил за нами. Оставил символ на стекле. А потом его сбила машина. Перед смертью успел сказать: «Это фамильный герб». Кто он? На кого работал?

Бернардо отложил ручку, снял очки.

— Сальваторе был из тех, кто работает в тени. Без званий, без приказов на бумаге. Он исчез ещё до того, как ты пришёл в агентство. И если он следил за тобой... значит, у кого-то наверху были причины.

— Кто наверху? Спецслужбы?

— Не задавай этот вопрос, Рико.

— Почему?!

— Потому что ответ не поможет поймать убийцу. — Бернардо встал, подошёл к окну. — Сальваторе выполнял заказы, о которых не отчитываются. Его последнее задание бы-

ло связано с тем, что находится за гранью нашего расследования. Если продолжишь копать в этом направлении, твоё удостоверение станет ненужным. Я пытался — меня остановили на самом верху.

— То есть вы знаете, на кого он работал, но не скажете?

— Не потому что не хочу. Потому что это не даст тебе ничего, кроме новых врагов и засекреченного дела. Сальваторе мёртв. Символ ты видел своими глазами. Дальше ищи сам. Но не лезь туда, откуда не возвращаются.

Рико развернулся к выходу.

— Если вы думаете, что меня остановят секретные досье, вы плохо меня знаете.

Бернардо ничего не ответил. Он застыл у окна, прислушиваясь к шагам в коридоре.

Вечером они с Диной обсуждали дело. На столе — фотографии, схемы, распечатки звонков.

— Он следит за ними заранее.

Дина перекладывала снимки.

— Долго.

— И выбирает не случайно.

Рико подошёл к окну.

— Ему нравится наблюдать.

— Значит, нужна приманка.

Он обернулся.

— Я думал о том же.

— Это опасно.

— Зато впервые заставит его выйти из тени. Нам нужны добровольцы. Люди, которым можно доверять.

В следующие дни агентство превращалось в штаб. Бернардо собрал небольшую группу: друзья, бывшие коллеги, знакомые Дины, пара людей из агентства. Все подходили под психологический профиль предыдущих жертв. Только одного человека Рико принципиально не позвал. Марко.

— А как же он?

— Нет.

— Потому что боишься?

— Потому что он должен сам принять решение.

За несколько часов до собрания. Марко сидел на полу в своей квартире, привалившись спиной к стене. Телефон молчал. Аделина больше не звонила. Вчера он пытался дозвониться до неё, но слышал лишь холодное: «Денег больше не дам» — и гудки. Он не пил вторые сутки. Не из гордости — просто не на что. Голова была тяжёлой, но мысли уже не путались так сильно. Он знал, что Рико начал работать на агентство. В памяти всплыли слова Аделины: «Ты живёшь, как будто всё ещё можно откатить назад». Потом — фраза психолога Розы: «Перестать искать ответы в одиночку». А следом — собственные строчки, написанные той ночью. Он не мог откатить. Но мог хотя бы не остаться в стороне. Решение пришло не как вспышка, а как тихое, почти равнодушное понимание: пойти туда. Даже если выгонят. Даже если он там никому не нужен. Он должен попробовать.

Марко надел наименее грязный свитер, тёмные брюки, плеснул в лицо холодной водой, пригладил волосы. Борода осталась неухоженной, но глаза были трезвые. Он чувствовал дрожь в руках, когда завязывал шнурки, — не от похмеля, от страха. Пешком он добрался до бара. Бармен его знал. Марко заказал воду — демонстративно, чтобы показать самому себе: он не сорвётся. Оглядел зал. Именно здесь, как однажды обмолвился Рико, когда они проезжали мимо с водителем агентства, собирались оперативники и те, кто с ними связан. Вчера Марко уже был здесь. Случайно. И услышал обрывки разговора у стойки:

— Собрание завтра в шесть, — тихо говорил водитель. — В конференц-зале. Добровольцы, те, кто готов влезть в это дело с убийствами...

— А проверяют жёстко? — спросил незнакомец.

— Ещё как. Но если пройдёшь — будешь в деле. В самом сердце.

Марко затаил дыхание, стараясь не выдать себя. Убийства. Рико. Агентство. Всё сходилось. Он запомнил время и место. И лицо водителя. Сейчас тот же водитель вошёл, стряхнул капли дождя с куртки и поприветствовал Марко — они виделись мельком пару дней назад, когда Рико, хмурый и напряжённый, что-то быстро говорил ему у машины. Тогда Марко уловил ещё один обрывок: «Рико взялся за это всерьёз. Говорит, там что-то крупное...» Водитель сел за стойку, заказал кофе. Марко подождал, пока бармен отойдёт, и наклонился

к нему:

— Вы набираете людей для какого-то дела. Того, что связано с убийствами.

Водитель удивлённо обернулся, прищурился:

— А ты откуда?..

— Я был здесь вчера. Слышал разговор, — Марко сжал край стойки, стараясь говорить ровно. — Меня зовут Марко. Я друг Рико. Я должен там быть.

Мужчина изучающе посмотрел на него.

— Собрание сегодня в шесть, в конференц-зале агентства. Если ты из друзей Рико — может, и пустят. Но учти: там не благотворительность. Проверяют жёстко.

Марко поблагодарил и вышел. Ноги сами понесли его по мокрым улицам. Каждый шаг отдавался в висках: «Вдруг Рико не захочет меня видеть. Вдруг я всё испорчу. Вдруг снова окажусь лишним». Но он продолжал идти, потому что остановиться означало бы признать, что он никто.

В конференц-зале. Зал почти заполнился. Рико стоял возле стеклянной стены, просматривая список. Дина подошла ближе:

— Ты всё-таки не позвал Марко.

— Нет.

— Он знает?

— Нет.

Она поймала его взгляд:

— Думаешь, это поможет?

Рико закрыл папку, окинул взглядом рассказывающихся людей:

— Он должен сам решить, хочет ли выбраться. Если я позвоню и скажу «приходи», это снова будет моя ответственность. А ему нужна своя.

— А если не решит?

— Тогда это будет его выбор. Или его конец.

Дина сквозь стеклянную дверь заметила знакомую фигуру в помятом пальто, стоявшую у входа. Рико проследил за её взглядом. Марко. Он стоял, будто набираясь смелости, а затем толкнул дверь и вошёл. Прямая спина, плечи расправлены, но в глазах — загнанный страх. Он не озирался, искал взглядом только одного человека. Их взгляды встретились. Лицо Рико не выражало ни удивления, ни гнева — только усталое, понимающее ожидание. Марко неловко поднял руку в приветствии, но осёкся и быстро опустил. Он пробрался к дальнему ряду и сел у стены, стараясь занять как можно меньше места. Свитер был застиран, но чище обычного, волосы влажные после умывания, дыхание частое, но контролируемое. Дина спросила Рико:

— Ты его всё-таки позвал?

— Нет, — он чуть качнул головой. — Он сам.

Марко почувствовал их взгляды и поднялся, шагнул навстречу. Движения были резковатыми, но уже не пьяными.

— Я... наверное, должен был предупредить. Прости.

Рико подошёл к нему. Теперь они стояли лицом к лицу.

— Откуда ты узнал?

— Узнал. В баре. Да, в том самом месте, где я пропил всё, что можно. Там иногда бывают и нормальные люди. Один из ваших проболтался. Я специально пошёл искать.

Рико молчал, ожидая.

— Ты думаешь, мне нравится сидеть дома и смотреть, как всё разваливается? — Марко набрал воздуха, голос зазвучал громче. — Я знаю, как вы на меня смотрите. Как на конченного. На обузу. На того, кого спасти уже поздно.

— Это не так, — ответил Рико.

— Так! — Марко почти выкрикнул, но тут же взял себя в руки и заговорил тише, с расстановкой. — Но... впервые за много лет я сам пришёл. Не потому, что ты вытащил. Не потому, что Аделина пинала. Я. Сам. Я не прошу меня жалеть. Не прошу доверять. Просто дай шанс сделать хоть что-то правильно. Я не подведу, Рико. Клянусь.

В его словах звенела такая обнажённая, почти болезненная искренность, что Дина невольно перевела взгляд на Рико. Тот медлил, вглядываясь в лицо друга — в эти покрасневшие, но ясные глаза, в дрожащие пальцы, сжимающие полу пальто.

— Марко, сядь уже. Место во втором ряду.

Марко пошатнулся, но удержался на ногах и направился к указанному месту. Дина, чуть улыбнувшись, шепнула Рико:

— Кажется, твой метод «пусть сам решает» сработал.

— Посмотрим, — ответил Рико, но в его глазах мелькнуло

что-то похожее на надежду.

Марко сел. Руки всё ещё дрожали, но он спрятал их под стол. Он не знал, что делать дальше, но чувствовал: впервые за долгое время он там, где должен быть. Не в стороне. Не на дне. А в зале, среди тех, кто готов бороться.

Дверь открылась снова.

— Извините за опоздание.

Голос разрезал гул комнаты, как скальпель. Марко узнал его мгновенно — раньше, чем увидел лицо. Все мышцы его тела разом напряглись, будто приготовились к удару. В зал вошёл Киро. Невысокий, собранный, в чёрной кожаной куртке, которая выглядела так же дорого и неуместно, как и его полуулыбка. Тёмно-каштановые волосы были аккуратно зачёсаны назад, открывая высокий лоб и подчёркивая резкую линию скул. Та же выверенность — в короткой бороде, в чётком контуре усов, будто он собирал своё лицо по заранее продуманной схеме. Ему было двадцать девять. Он не изменился за десять лет — или изменился так, как меняется лезвие ножа после долгого использования: стало только острее. Серые глаза скользнули по залу, не задерживаясь, но фиксируя всё. Взгляд прямой, спокойный, без лишнего движения — и от этого тяжелее. Он остановился на секунду у входа. Не выше остальных — но этого и не требовалось. Пространство под него подстраивалось само. Несколько человек в зале переглянулись. Никто не ожидал его увидеть. Но никто не знал его так, как знали двое в этой комнате. Марко поднял-

ся первым. Не резко — медленно, будто преодолевая сопротивление воды.

— Нет.

Киро аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Даже не здороваешься?

— Какого чёрта ты здесь делаешь?

Тишина в зале стала звенящей. Дина, сидевшая с краю, перевела взгляд на Рико. Тот обернулся. Киро встретил его взгляд и улыбнулся — теперь иначе. Не вызывающе. Почти интимно. Так улыбаются старому другу, с которым связывает общая тайна.

— Я пришёл помочь.

Марко рванулся к нему — тело среагировало раньше разума, сократив дистанцию до опасной близости.

— Тебя никто не звал. Никто. Ты понял?

— Тебя, насколько я понял, тоже, — спокойно ответил Киро, не отводя взгляда.

Воздух между ними стал плотным. Марко уже сжимал кулаки: побелевшие костяшки, вздувшиеся вены на шее. В этом жесте не было алкогольной истерики — только холодный, осознанный страх. Рико встал между ними. Одно движение — без резкости, но достаточно властное, чтобы оба пришли в себя.

— Хватит.

Киро поднял раскрытые ладони: жест мирный, но в контексте его появления, в контексте всего, что Рико о нём знал,

он выглядел почти издевательским.

— Я вообще-то мирно пришёл.

— Тогда води себя мирно.

Голос Рико прозвучал ровно. Этого хватило. Киро опустил руки, чуть склонил голову — едва уловимое признание авторитета, замеченное не всеми, но Диной — точно. Марко продолжал смотреть на Киро с плохо скрываемой ненавистью. Он знал о Киро то, чего не знали остальные. Помнил его исчезновение. Помнил одержимость человеком, который сейчас стоял между ними. Дина наклонилась к Рико:

— Только не говори, что он действительно нам нужен.

Рико выдержал паузу. Ответ дался с трудом — не из-за сомнений, а из-за понимания последствий.

— К сожалению, нужен.

— Серьёзно?

— Он знает половину подпольных мест города лучше любой базы данных.

Киро услышал это.

— Видишь? Хоть кто-то здесь меня ценит.

— Не обольщайся. — Рико поднял папку с материалами. — Ты здесь только потому, что можешь быть полезен. И только до тех пор, пока полезен.

— Звучит романтично.

— Ещё одна такая реплика — и вылетишь.

Улыбка Киро дрогнула на долю секунды. Но он не стал спорить. Перевёл взгляд на Марко и спросил тихо, почти ин-

тимно, так, что слышали только трое:

— Ты всё ещё веришь, что он — «повелитель ада»? Или уже начал догадываться, кто на самом деле разводит здесь огонь?

Марко побледнел. Рико стиснул зубы. Киро проследовал к свободному месту в конце стола — туда, где свет от лампы почти не доставал. Сел, откинулся на спинку стула. Весь его вид говорил: он здесь, слушает, но остаётся сам по себе. Как всегда. Рико обвёл взглядом зал.

— Теперь можем начать нормально. Хотя... — Он бросил взгляд на Киро и добавил сухо: — Нормально — это условность.

На экране позади него появилась карта города: красные точки, известные маршруты, места наблюдения, фотографии жертв. И в самом углу схемы — уже знакомый символ, вписанный будто чьей-то небрежной, но твёрдой рукой. Рико смотрел на схему. Мысли его были заняты другим — человеком в трёх метрах от него, спокойно, чуть прищурившись, изучавшим ту же карту. Убийца, которого они искали, находился где-то рядом. Быть может, ближе, чем Рико готов был признать. Прямо сейчас. Прямо здесь. Наблюдал. И, кажется, ждал их следующего хода.

Собрание закончилось через полтора часа. Кто-то остался, кто-то ушёл. Инструкции озвучены, задачи разъяснены. Кабинет Рико был просторнее остальных — длинное окно во всю стену, металлический шкаф с делами, кофемашина в

углу. Киро медленно осмотрелся.

— Даже кабинет свой появился. Просторно. — Он скользнул взглядом по Рико. — Выглядишь как твой отец на старых фотографиях. «Не дай бог».

— Надеюсь, это не оскорбление, — ответил Рико. — Садитесь.

Марко сел первым. Киро — напротив, развалившись слишком свободно. Дина осталась у окна, листая планшет. Рико сцепил руки перед собой.

— Нам всем нужно прояснить один важный момент. Повторять не стану. Я говорю один раз — вы либо запоминаете, либо дверь там.

Киро кашлянул и покосился на Дину.

— Прямо здесь? Может, личное лучше обсуждать в более личной обстановке?

— У меня от Дины нет секретов. Помимо того, что она моя жена, она ещё и один из лучших криминальных аналитиков агентства. Ваше начальство, если коротко.

Марко перевёл взгляд на Киро.

— У меня другой вопрос. Я понимаю, что к добровольцам требования ниже, но не настолько же. Где ты был десять лет? Что мы о тебе знаем?

— Жил как все. Работал, учился. В столице, между прочим.

— Какая честь.

— Академический диплом по художественному образо-

ванию. Преподаю. Не только живопись — ещё музыку. Гитара, фортепиано.

— Коллега, значит, — сказала Дина. — Я тоже иногда играю.

Рико едва качнул головой.

— Мой брат Мартин любил гитару. Он сейчас был бы примерно твоего возраста.

— Эй, мы вообще о чём сейчас? — Марко раздражённо ударил по столу. — Мы тут вроде для серьёзного разговора собрались.

— Верно. Часть его уже состоялась. Киро ответил на твои вопросы? Мы узнали, чем он занимается?

Никто не ответил.

— Отлично. Тогда главное.

Рико снял очки, протёр переносицу и посмотрел на них.

— То, что было одиннадцать лет назад... Я помню. Тот пожар тоже. Киро, ты спас нас. Я это ценю. И я помню, как ты тогда пытался подружиться. Надеюсь, я ясно дал понять, что друзей не завожу и моё мировоззрение — не пример для подражания. За это ещё раз извини. И постарайся понять меня правильно.

Киро смотрел спокойно. Даже слишком.

— Теперь что касается вас двоих. Надеюсь, вы не собираетесь снова делить моё внимание и выяснять, кто мне больший друг. Здесь работа. И субординация. Дина и я говорим — вы делаете. И самое главное — не мешаете друг другу.

Он помолчал, потом продолжил жёстче:

— Нравится вам это или нет — вы команда. И не нравится вам сейчас должно только одно: в городе серийный убийца. Он убирает не случайных людей. В основном — наших общих знакомых. Следующими могут быть близкие. В том числе вы сами. Поэтому включайте голову и холодный расчёт. И очень прошу избавить меня от флешбеков по былым временам. Иначе такими темпами скоро вспоминать будет некого.

Дина подняла голову от планшета.

— И если кто-нибудь из вас хоть раз назовёт имя этой... — она осеклась, — в общем, вы поняли... застрелю лично.

— А я закопаю, — добавил Рико.

Дина посмотрела на него.

— Тебя это тоже касается. В первую очередь. Я не хочу слышать о ней ни в каком контексте. Ни как воспоминание, ни как рабочий факт.

В дверь постучали. Через секунду в кабинет вошёл Бернардо. Он сразу направился к Рико и протянул руку.

— Поздравляю.

Рико поднялся.

— Спасибо! С чем именно?

— Сверху одобрили твои методы и предложения по делу. С сегодняшнего дня ты официально назначен координатором оперативной группы по расследованию серийных убийств.

Марко тихо присвистнул. Бернардо продолжил:

— Дело полностью передают тебе и Дине. Все добровольцы, оперативники и аналитики теперь работают через вас. И ещё. Из группы добровольцев нужно выбрать двух кураторов полевых команд. Они станут связующим звеном между агентством и остальными.

— То есть официальная должность? — уточнила Дина.

— Да. Внештатные координаторы оперативного резерва.

Киро демонстративно поаплодировал.

— Звучит солидно.

Бернардо уже направился к двери, но остановился.

— И Рико... Без самодеятельности. Это приказ.

— Тогда вы обратились не по адресу.

Бернардо хмыкнул и вышел.

Марко нарушил молчание:

— Поздравляю с повышением. И кто там наверху такой щедрый?

— Понятия не имею. Да и не важно. — Рико повернулся к Дине. — Сколько у нас осталось добровольцев?

— Из шестидесяти семи — пятьдесят восемь. С учётом этих двоих.

— В процессе станет меньше. Значит так. — Он обвёл взглядом Марко и Киро. — Делим людей поровну. Каждый получает по двадцать восемь человек и работает с ними напрямую через нас.

— Нет, — отрезал Марко. — Я не собираюсь работать с

ним.

— Почему?

— Потому что это бред. Почему вообще он?

— Директор только что всё объяснил. Нам нужны люди, которых мы знаем больше, чем по имени и фамилии. Так сложилось, что это вы двое.

Киро вмешался.

— О, Марко... Ты вообще не меняешься. Всё ещё думаешь, что способен вытянуть всё в одиночку?

— А ты всё ещё разговариваешь так, будто знаешь больше остальных.

— Возможно, так и есть.

— Тогда скажи прямо.

— Хорошо. — Киро подался вперёд. — Ты слишком эмоционален для этой работы. Идёшь на конфликт быстрее, чем начинаешь думать.

Марко резко поднялся.

— А ты слишком любишь строить из себя особенного.

— Потому что я хотя бы не пытаюсь жить прошлым.

Марко шагнул к нему, но Рико даже не повысил голоса:

— Сели оба.

И почему-то этого хватило. Марко медленно опустился обратно. Киро промолчал. Рико обвёл их взглядом.

— Этот боевой настрой сохраните до конца расследования. Соревноваться вы должны не друг с другом, а с серийником. В противном случае вам придётся столкнуться со

мной.

— Угрожаешь? — спросил Киро.

— Именно так.

Марко провёл рукой по лицу.

— И что дальше?

— Дальше получаете списки людей, знакомитесь со своими группами и начинаете работать. Проверяете контакты жертв, собираете информацию, отслеживаете любые странности. Всё, что покажется мелочью, — сразу нам.

Дина положила на стол две папки.

— Здесь ваши группы. Вопросы?

Марко развёл руками. Киро помотал головой. Дина закрыла планшет.

— Тогда ещё один момент. Рабочий день ненормированный. Будьте готовы, что это ударит по личной жизни, сну, хобби и всему остальному. — Она посмотрела на Киро. — Кстати, как у тебя с этим?

— Ну... Девушка на шестом месяце беременности. Я бедный преподаватель искусств. Стабильной работы нет, только подработки в частной школе. Так что пахать готов как проклятый. Она у меня понимающая. Проблем не будет.

— Приемлемо. — Дина повернулась к Марко. — Про тебя даже спрашивать не буду.

Марко хмыкнул.

— Спасибо за веру в меня.

— Но есть хорошая новость. Зарплата достойная. Премии

тоже предусмотрены. За подъёмными можете зайти в бухгалтерию после оформления.

Киро скользнул по Марко насмешливым взглядом.

— Ну надо же. Теперь тебя содержит не жена, а агентство.

Рико сразу отрезал:

— Как и тебя. Ты тоже здесь работаешь. И тебе содержать семью. Судя по выражению лица, ты пока этого не понял.

Киро забрал папку со стола.

— Уже понял.

— Вот и отлично. — Рико поднялся. — Идите оформляйтесь и начинайте работать. Завтра в девять совещание.

Марко фыркнул:

— Ты же не проснёшься к этому времени.

Дина ехидно положила ладонь Рико на плечо.

— За это не переживай. Сегодня он ляжет пораньше.

Марко с Киро переглянулись. Рико устало прикрыл глаза и махнул рукой в сторону двери.

— Всё. Исчезли отсюда быстро!

Марко вышел из кабинета, сунув руки в карманы. Пальцы нащупали смятый чек. Вчера, забирая ставку, он заметил в нижней строке мелкий технический код — не координаты матча, а набор цифр, похожий на адрес узла или перекрёстка. Тогда не обратил внимания, списав на сбой принтера. Вечером, проходя мимо офиса, он решил проверить догадку. Зашёл в техотдел, дождался, пока коллеги уйдут, и попросил знакомого админа пробить код из любопытства. Тот

звёл данные: «Серверный запрос. Старый протокол. Ничего серьёзного». Марко ушёл. Сегодня, когда коридоры агентства опустели, на мониторе в серверной мигнула строка: запрос к базе камер и маршрутов. Точка совпала с перекрёстком из чека — отправитель внутренний IP, доступ архивный сектор. Запрос прошёл автоматически, без предупреждений. Никто не обратил внимания.

Когда Рико и Дина вернулись домой, свет в кухне уже горел. Ева сидела за столом, подтянув колени к груди. Телефон лежал рядом экраном вниз. Она подняла голову сразу, как только хлопнула дверь.

— Пап...

Рико застыл в прихожей. Что-то в её голосе было не так. Дина первой подошла к дочери.

— Что случилось?

Ева сглотнула.

— Нам сегодня в школе сказали... Убили министра образования округа.

— Что?.. — переспросила Дина.

Ева опустила глаза.

— Утром нашли. Учителей собрали в актовом зале. Потом нас отпустили раньше.

Дина села рядом и обняла её за плечи.

— Эй. Посмотри на меня. Ты дома. Всё хорошо.

Но Рико уже не слушал. Он медленно снял пальто, бросил ключи на тумбу и вышел на балкон. Через минуту за спиной

скрипнула дверь. Дина встала рядом. Рико прикурил.

— Это странно.

— Что именно?

— Что именно он.

Дина повернулась к нему.

— Ты его знал?

— Он был директором моей школы. Ещё тогда. В моём выпускном классе.

— Серьёзно?

— Да. А потом... лет через пять после выпуска меня из университета его повысили. Уже на уровень округа. Помню, он был на вручении дипломов. Подошёл ко мне после церемонии и сказал: «Я всегда знал, что ты способный. Хотя с твоим поведением был уверен, что до диплома ты просто не доживёшь».

— Похоже на тебя.

— Он гонял меня в школе страшно. Особенно в выпускном классе. Успеваемость тогда полетела к чёрту.

— Конфликты были?

— Постоянно. Но... нормальные. Школьные. Ничего такого.

Он втянул дым и уставился вниз, на пустую улицу.

— И всё равно это слишком странно.

Дина облокотилась о перила.

— Это ещё одно подтверждение, что убийца знает тебя.

И, возможно, находится ближе, чем мы думаем.

— Я тоже об этом подумал.

— Я переживаю за Еву.

— Я тоже. И хуже всего — я не понимаю, как правильно поступить.

Он выбросил сигарету вниз.

— Начнём прятать её, закроем дома — дадим ему понять, что боимся. А таким людям нельзя показывать страх. Для них это приглашение.

— А если ничего не делать?

— Также нельзя. Значит, только середина. Охрана. Без шума. Без формы. Я поручу Марко отправить добровольцев к школе. И по маршруту до дома. Ева не должна ничего заметить.

Дина прижалась к нему плечом.

— Спасибо.

Рико повернул голову.

— Я давно хотел спросить... Почему ты тогда привела меня туда?

— В агентство?

— Да.

Дина помедлила.

— Потому что ты начал исчезать. Не физически. Внутри. Ты ходил по дому, улыбался, работал, гулял с Евой... А у тебя на лице было написано, что тебе чего-то не хватает.

Рико опустил голову.

— Я хотела уберечь тебя от прошлого. От всех этих войн.

Но ещё сильнее я не хотела, чтобы мой муж перестал быть собой. Тебе нужна была перезагрузка. А рядом со мной это хотя бы безопаснее. И вообще... Когда нам ещё выпадет шанс поработать вместе?

Рико тихо рассмеялся. Потом притянул её к себе и поцеловал.

— Ты мой маленький ангел. Всю жизнь вытаскиваешь меня оттуда, куда я сам себя загоняю.

— Работа такая.

— Нет. Это талант.

Они стояли на балконе, прижавшись друг к другу. Город почти стих.

— Легли пораньше, называется.

Глава 6. «Я наконец достиг уровня этой тарелки»

9:13. Дверь комнаты для совещаний распахнулась резко. Рико вошёл быстрым шагом, на ходу снимая пальто.

— Я же говорил, опоздаешь, — протянул Марко. — На распродажу 11.11 либо забегал?

— Раз ты такой ясновидящий, может, ещё знаешь, кто убийца?

Рико бросил пальто на спинку стула и сел во главе стола.

— Ладно. К делу. Подозреваемые из фитнес-клуба отпадают. Неделя наблюдения — впустую.

Киро возмутился.

— То есть мы просто сожгли ресурсы?

Рико поднял на него уставший взгляд.

— А тебя это удивляет? Половина расследований — это тупики. Иногда люди годами ищут убийцу, а потом он случайно светится сам, подавившись пончиком в кафе. Такая работа.

Он сцепил пальцы.

— Поэтому сейчас нужна новая стратегия. И я хочу услышать предложения.

— Нам нужно изменить подход, — начал Марко. — Меньше полагаться на технику. Больше наблюдения, анализа по-

ведения, связей...

— Это демагогия, амиго. Конкретнее.

Дверь снова открылась. Дина вошла быстро, будто поднималась бегом. Марко прищурился.

— Судя по виду, ты проснулась ещё позже нашего сони.

— Судя по твоему лицу, ты вообще не спишь. Покажи челюсть. Клыки не выросли? Людей по ночам не кусаешь?

Марко отвернулся с улыбкой.

— Только по праздникам.

Но Дина перестала улыбаться. Она положила на стол папку.

— Сегодня утром убили бывшего директора школы Рико. И это уже не похоже на совпадение. Почти все жертвы так или иначе связаны с вашим кругом.

Рико нервно стучал пальцами по столу.

— Продолжай.

— Похоже, ты расследуешь самого себя.

Марко вскинул голову.

— Что это значит?

Дина раскрыла папку.

— Я подняла ваши перемещения за последние месяцы. И выяснилась интересная вещь. Вы с Марко неоднократно пересекались с жертвами задолго до убийств. Один и тот же фитнес-клуб. Один и тот же район. Одни и те же маршруты. Рико туда ходил. У него абонемент. А ты как там оказался?

Марко уже собирался ответить, но Рико перебил:

— Там Аделина занималась. Он приезжал пару раз. Стоял, как призрак, в стороне. Потом охрана отвела его к администратору и объяснила, что так делать не стоит.

— Прямо маньяк какой-то, — вмешался Киро.

Марко повернулся к нему.

— Что ты сейчас сказал?

— То, что слышал.

Рико с грохотом ударил ладонью по столу.

— Хватит!

Дина закрыла папку.

— Я не обвиняю никого из вас. Но есть ещё кое-что. — Она встретилась взглядом с Рико. — Убийца следит за тобой. Практически повторяет твои перемещения.

— Откуда у него информация?

— Не знаю. Но это уже система.

Рико провёл рукой по подбородку.

— Значит, он рядом.

— И я боюсь за Еву. — Дина сжала его ладонь. — Я начала собирать психологический профиль. Судя по всему, он мстит людям из прошлого. Только не морально, как это делал Рико в молодости. А буквально. Жестоко. Без тормозов.

Марко посмотрел на Рико.

— Хочешь сказать...

— Нет, — перебила Дина. — Я думаю, дело не в мести Рико. Скорее в одержимости им.

— Подражатель? — спросил Киро.

— Возможно.

Марко резко развернулся у доски.

— Нет связи. Вообще.

— Есть, — Рико, листая папки, поднял фото. — Все они пересекались с одним периодом.

— Каким именно?

— После смерти Марии.

Дина шагнула вперёд, голос звучал жёстче.

— Хочешь сказать, убийца копает события тех лет?

— Нет. Я хочу сказать, что он знает о них слишком много.

Марко шагнул ближе к доске.

— Тогда почему убивают не всех подряд?

Рико взял маркер, начал соединять линии.

— Те, кто видел, знал, был рядом... Или те, кого он считает виноватыми...

Ну прекрасно. Значит, я каким-то образом вырастил монстра, сам того не заметив. — Рико сжал край стола.

— Любимый...

— Нет, Дина. Давайте честно. Он изучает меня, копирует мои маршруты, выбирает людей из моего прошлого. А теперь я должен его ловить, потому что только я понимаю, как он думает.

— Пока ты это не сказал, мне даже в голову не приходило, — сказал Марко.

— Потому что ты нормальный человек.

— Спорное заявление.

Дина накрыла ладонь Рико своей.

— Послушай меня внимательно. Ты не виноват в чужом безумии. Нельзя отвечать за каждую сломанную голову, которая увидела в тебе что-то своё.

Рико стиснул зубы.

— А Ева? Какой пример я подаю ей, если уже появился вот такой... последователь?

— У нас растёт будущий детектив.

— Я хотел, чтобы она стала певицей.

— Она всё равно будет гордиться тобой, — заметил Марко.

Рико повернулся к нему.

— Гордиться чем? Тем, что её отец породил психа?

— Нет. Тем, что её отец пытается его остановить.

— Герой — не тот, кто никогда не ошибается, — Дина сжала пальцы Рико. — А тот, кто берёт ответственность за последствия.

Рико прикрыл глаза.

— И как мне поймать человека, который мыслит так же?

— Использовать это. Ты лучше всех понимаешь, где он ошибётся.

— А мы поможем, — добавил Марко.

Рико выпрямился.

— Хорошо. Тогда работаем дальше.

Совещание закончилось почти через час.

— Если кому на восток города, могу подбросить. Поздно

уже, транспорт почти не ходит, — бросил Киро, собирая вещи.

Несколько человек переглянулись. Кто-то коротко кивнул, кто-то явно был не против воспользоваться предложением.

Дина собирала документы, когда Марко спросил:

— Зачем ты вообще поставил его куратором?

— Потому что он полезен.

— Да он псих.

— Возможно. Но решительный псих с холодной головой. Такие иногда эффективнее нормальных. Киро не хочет быть исполнителем. Ему важно чувствовать себя нужным. Дай ему это — и он сам принесёт результат.

Дина оторвалась от документов.

— У него сильная потребность в признании. Если правильно направить — может сработать.

— А если нет?

— Тогда я остановлю его раньше, чем он станет проблемой, — отрезал Рико.

Марко опёрся о стол.

— С чего начнём?

— С малого. Пусть организует наружное наблюдение. Или поработает со свидетелями. Ему нужно почувствовать, что он реально влияет на расследование.

Дина закрыла папку.

— И одновременно проверить, насколько он управляем.

— Именно.

Рико подошёл к окну. Внизу текла обычная жизнь: машины, люди, сигналы.

— Усиливаем патрули. Поднимаем архивы. И готовимся к тому, что он снова ударит.

Марко и Дина переглянулись.

— Думаешь, скоро?

— Вам лучше даже не знать, что я думаю.

Рико ничего не добавил. Он сидел за длинным столом, заваленным фотографиями брелоков, распечатками и листами с пометками. Свет лампы выхватывал из полумрака металлические детали, царапины, одинаковые кольца, потёртые символы. Пальцы перебирали снимки, пытаясь не просто увидеть разницу — почувствовать её.

В дверь коротко постучали.

— Войдите.

На пороге появился один из дежурных оперативников. Бледное лицо, сбитое дыхание.

— Господин Рико...

— Что?

— Эксперта убили.

— Какого эксперта?

— Того, который исследовал брелоки. Его нашли в машине. Ножевое ранение и знак на лбу. Тот самый символ.

Стул скрипнул о пол. Рико поднялся так быстро, что фотографии посыпались со стола.

— Кто знал, что он работает на нас?

— Все. Мы обсуждали это на общем собрании.

— Значит, убийца был среди нас. Или кто-то слил информацию.

— Рико... — начал Марко.

Но тот уже натягивал пальто.

— Никого не выпускать из здания, пока я не скажу обратное. Проверить телефоны, переписки, камеры в коридорах. И если кто-то сейчас решит «подышать воздухом» — пусть молится, чтобы это было убедительно.

Он вышел первым. Остальные переглянулись и поспешили следом.

На мониторах мелькали записи с парковок, улиц и ближайших заведений. Рико находился за спинами сотрудников. Свет экранов делал его лицо жёстче.

На записи регистратор показывал почти пустую улицу. Машина эксперта стояла у тротуара. Несколько минут ничего не происходило. Затем мужчина внутри автомобиля дёрнулся, словно спорил с кем-то. Потом — движение руки. Рынок. Кровь.

Камера зафиксировала и другое: тело не обмякло, не съехало на бок. Убитый сидел с неестественно прямой спиной, руки сложены на коленях, будто его специально усадили после смерти. Марко, увидев этот кадр, невольно вспомнил то давнее убийство в новостях — такую же жуткую аккуратность.

Следующая камера — вход в круглосуточный магазин напротив. Никто не подходил к машине. Никто не уходил. Ни силуэта, ни тени.

— Это невозможно, — произнесла Дина.

Позже пришло заключение судмедэксперта: угол удара, траектория, отпечатки — всё указывало на самоубийство. И только одна деталь ломала картину. Символ на лбу. Никто не видел момента его появления. На ранних кадрах его не было. На более поздних — уже был. Кто-то нарисовал его после смерти.

— Просто отлично, — произнёс Марко. — У нас теперь либо серийный убийца-фокусник, либо сатана перешёл на график без выходных.

Рико сосредоточился на стоп-кадре с изображением мёртвого эксперта.

— Нет, — сказал он. — Хуже.

Марко и Дина повернулись к нему.

— Кто-то очень хочет, чтобы мы перестали доверять реальности.

Марко вышел из участка последним. В ушах — голос Рико: «Готовимся к тому, что он снова ударит». Фраза сжала грудь. Не страх. Что-то тёмное. Знакомое. То, что он заливал виски и забивал ставками.

Домой не хотелось. Аделина забрала заявление. Но обратно в их квартиру не пускала. Марко жил на той же съёмной. Там — тишина. Здесь — город гудел. Жизнь.

Он остановился у витрины букмекерской. Свет. Тепло. На экранах — цифры, коэффициенты, бегущая строка. Матч начинался через час. Один из тех, что играют в утреннее время. Он не знал ни имён, ни составов. Но помнил — когда-то поставил на одну из команд. Выиграл. Много. На пьяную голову.

— Нет. Я не буду.

Заходил не ради ставки. Просто погреться. Спросил у кассира коэффициент на ту, что играла дома. Достал телефон. Открыл приложение. Аккаунт был. Перевёл сотню. Нет. Две. Со счёта, куда только что упала первая зарплата от агентства. Нажал «Подтвердить».

Тепло. Острое. Как наркотик, которого не было годами. Мир стал ярче. Цель появилась. Через час — исход. Час ожидания. Час надежды. Живее, чем все недели трезвости.

Они проиграли. 0:2. Деньги сгорели. Он стёр приложение. Вышел. Купил в ларьке маленькую бутылку виски. На два глотка. Не чтобы напиться. Чтобы выпить. Чтобы выдохнуть. Снять зуд — тот, что не исчез после возвращения, а только притаился.

Выпил за углом. Давясь. Отвращаясь. Тепло. Мерзко. Почувствовал себя прежним. Настоящим. И это было самое ужасное чувство на свете.

— Это был последний раз. Завтра снова, — маска координатора. — Никто не узнает.

Прошло несколько дней. Расследование буксовало. Ни ка-

мер. Ни совпадений ДНК. Ни следов оружия. Люди, за которыми следили добровольцы, оказывались случайными психами, мелкими дилерами, ревнивыми мужьями — кем угодно, только не тем, кого они искали. Убийца будто растворялся раньше, чем они успевали приблизиться.

Город жил своей жизнью, но в эту жизнь вплеталась новая смерть. О ней писали в сводках мелко, между строк: «Трагический инцидент в старом спортзале». Бывший учитель физкультуры, Инноченцо. Найден мёртвым. Версия следствия — сердечный приступ на фоне алкогольного опьянения или несчастный случай при тренировке. Никакого ритуала. Никакой крови вокруг. Только странная, неестественная поза тела, от которой у местных по коже бежали мурашки. Полиция закрыла дело за отсутствием состава преступления. Для них это был просто ещё один одиночка, чьё сердце не выдержало нагрузок.

Но Рико знал: сердце здесь ни при чём. Это было послание. «Слабость нужно лечить болью», — любил повторять Инноченцо, заставляя девятилетнего Рико выходить на спарринг через «не могу». Теперь учитель сам лежал в центре ринга, словно экспонат музея собственных жестоких уроков. Руки вывернуты в позе подчинения. Во рту — заклеенный скотчем свисток. А на груди, вместо сердца, — аккуратный узел из медицинских бинтов. Никаких улик. Никаких отпечатков. Только идеальный порядок и ощущение, будто кто-то насмехается над ним, используя язык, который понимает

только Рико.

Марко сидел за столом в полутёмном кабинете агентства и вертел в руках плотный белый конверт. Он нашёл его утром под дверью квартиры. Внутри лежала фотография: он, Рико и Киро. Снимок был старый — через месяц после пожара в спорткомплексе. Они стояли возле реки с пластиковыми стаканами дешёвого кофе. Киро тогда ещё носил короткие волосы и пытался выглядеть старше. Красной краской кто-то обвёл его лицо. Снизу неровными буквами было написано: «ОН СЛЕДУЮЩИЙ». Марко побледнел, разглядывая фото. Убийца больше не наблюдал издалека. Он перешёл к личным угрозам.

Друзья договорились провести совещание в ближайшем кафе. Рико сидел у окна, листая материалы дела в планшете. Марко положил фотографию на стол. Рико оторвался от планшета. Лицо его изменилось.

— Когда это пришло?

— Утром.

Дина взяла снимок.

— Такой кадр случайно не выкладывают. Тут видно, что снимал кто-то свой.

— Думаешь, кто-то из бывших знакомых? — Марко вцепился в край стола.

— Думаю, убийца знает вас куда лучше, чем мы предполагали.

— Почему Киро?

— Может, из-за спорткомплекса? — Марко взъерошил волосы. — Мы тогда много кому дорогу перешли.

— Поджигателям? — Рико поднял бровь. — Прошло слишком много времени.

— Либо это месть. Либо давление.

— В любом случае сидеть и ждать нельзя, — Марко ударил ладонью по столу. — И да, каким бы придурком Киро ни был, я не хочу потом вытаскивать его труп из канавы.

— Растёшь.

Добровольцев собрали в тренировочном зале. Киро стоял ближе всех к Рико, будто заранее чувствовал, о чём пойдёт речь.

— Если письмо настоящее, — Рико обратился к присутствующим, — убийца скоро попробует выйти на контакт.

— Тогда используйте меня.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что ты не наживка, а человек.

— Одно другому не мешает.

Киро подошёл ближе.

— Он хочет меня? Отлично. Пусть приходит.

— Ты сейчас не геройствуешь, — Марко стиснул зубы. — Ты выпендриваешься.

— А ты просто бесишься, что не тебя отметили в письме. Рико резко поднялся.

— Хватит.

Шум стих. Он обвёл взглядом собравшихся.

— Идея опасная. Но рабочая.

— Серьёзно?

— Мы месяц ходим кругами. Если убийца действительно следит за Киро, он должен увидеть шанс.

— И что дальше? — Марко повысил голос. — Мы просто выставим его посреди улицы?

— Не одного.

Дина открыла карту района на ноутбуке.

— Мы можем перекрыть несколько кварталов. Нужен участок с плохой видимостью и ограниченным количеством выходов.

— Пустырь за железной дорогой, — сказал кто-то из добровольцев.

— Отлично. Подходит. Там старые склады, насыпи и заболоченный участок. — Рико указал на экран. — Если правильно расставить людей, мы сможем закрыть периметр.

Марко вцепился в поручень.

— Это закончится плохо.

Никто ему не ответил.

Операцию начали после полуночи. Киро шёл от центральной площади пешком. Он специально смеялся в голос, разговаривал сам с собой, периодически останавливался возле витрин. Приманка должна выглядеть расслабленной. В наушнике потрескивал голос Дины:

— Северный сектор чист.

— Восток чист.

— Движение возле станции. Двое.

Рико сидел в старом фургоне возле путей и следил за камерами с переносного монитора. Марко находился ближе всех к Киро — за бетонными блоками у заброшенного склада.

— Не ускоряйся. Пусть ведут тебя.

— Звучит романтично.

Всё произошло быстро.

— Справа от тебя! Киро, справа!

Из темноты вынырнули силуэты — один, второй, ещё двое. Киро сорвал наушник и развернулся. Металл сверкнул почти у лица. Он успел отшатнуться. Нож прошёл в сантиметре от шеи.

— Контакт!

Связь утонула в криках. Киро ударил первого нападавшего локтем в челюсть, но справа уже летел второй. Это были не случайные отморозки.

Рико выскочил из фургона.

— Не лезьте все! Тут ни черта не видно!

Выстрелы грохнули возле путей. Марко сорвался со своего укрытия и побежал вниз по насыпи.

— Где Киро?!

Ответа не было.

Кто-то налетел на него сбоку. Удар под дых выбил воздух из лёгких. Марко рухнул коленями в землю. Сверху мельк-

нул силуэт. Он успел закрыться рукой. Хрустнуло запястье.
— Помогайте! — выдавил он.

Вокруг уже была свалка: крики, мат, фонари, выстрелы. Никто не понимал, в кого стрелять. Рико понял это первым.

— Оружие убрать! Все убрать оружие! Мы друг друга перестреляем!

Кто-то из добровольцев поскользнулся в грязи. Кто-то побежал не туда. Нападавших было минимум пятеро. И они явно готовились. Рико ударил одного рукоятью пистолета, развернулся ко второму — и почувствовал холод у шеи. Нож. Совсем близко.

— Не двигайся.

Рико застыл на секунду. Потом дёрнул руку нападавшего вниз. Они оба сорвались в грязь. Лезвие полоснуло по шее. Неглубоко. Но достаточно, чтобы ладонь Рико стала липкой от крови.

Сверху закричал Киро. Он вылетел из темноты как бешеный. Один из нападавших попытался ударить его топором. Киро перехватил руку, ударил коленом в живот и вывернул кисть с таким хрустом, что даже Рико вздрогнул. Топор упал в грязь. Через секунду Киро врезал противнику головой в лицо. Тот обмяк.

— Сзади!

Киро обернулся.

Свет фар ударил через пустырь. Группа захвата. Сирены. Крики. Нападавшие бросились в рассыпную. Киро опустил

рядом с Рико. Только теперь заметил кровь.

— Чёрт...

Рико тяжело дышал.

— Ты вовремя.

— Ты ранен.

— Бывало хуже. У меня в груди дырень побольше.

Рико поднял голову.

— Где Марко?

Они нашли его возле насыпи. Без сознания. В руке зажата граната.

Рико опешил.

— Какого хрена?..

Раннее утро. Больница. У Киро оказалась рассечена рука и трещина в ребре. У Рико — серьёзная кровопотеря. Когда врач сообщил про редкую группу крови, Дина побледнела. Но потом выяснилось, что в хранилище есть запас. Его собственный. После старых событий Рико несколько лет сдавал кровь как донор. И сейчас это спасло ему жизнь.

Марко сидел в коридоре до утра. Перед глазами вставал один момент: Киро закрывает собой Рико. Не он. Киро. Когда Рико перевели в обычную палату, Марко не зашёл внутрь. Он просто ушёл, никому ничего не сказав.

Киро разместили там же. Врачи ворчали, что свободных мест почти нет, но спорить с Диной никто не стал. В палате пахло лекарствами и слишком горячими батареями. Рико лежал неподвижно. Бледный. Повязка на шее уходила под

больничную рубашку. На соседней койке Киро полусидел, уткнувшись затылком в стену. Глаза были закрыты, но по напряжённому лицу Рико понял — тот не спит.

Дверь тихо приоткрылась. Ева. С рюкзаком почти больше неё самой. Она осторожно вошла внутрь, будто боялась разбудить саму больницу.

— Мам сказала недолго.

Рико чуть повернул голову:

— Тогда говори быстро. Пока нас не выгнали.

Ева подошла ближе. Села на край кровати. Посмотрела сначала на бинты Рико, потом — на перевязанную руку Киро.

— Вы выглядите ужасно.

— Спасибо, малявка, — пробормотал Киро, не открывая глаз.

Она достала из рюкзака маленький блокнот и карандаш.

— Можно?

— Что именно? — спросил Рико.

— Нарисовать кое-что.

Он слабо пожал плечами.

Несколько минут в палате слышался только скрип карандаша. Киро наконец открыл глаза.

— Это официальный портрет раненых идиотов?

— Нет.

— Уже обидно.

Ева закончила рисунок и подняла лист. Неровная звезда.

Внутри — три палочки вместо людей. У одной — огромная шея в бинтах.

— Очень реалистично, — тихо сказал Рико.

— Это медаль.

— За что?

Ева посмотрела на него серьёзно. Совсем не по-детски.

— За то, что вы не убежали.

В палате стало тихо.

— Мама сказала, что когда дядя Марко упал, вы не побежали за плохими людьми. А дядя Киро закрыл тебя собой.

Киро отвёл взгляд.

— Это был не героизм. Просто так правильно.

— Всё равно.

Она осторожно приклеила рисунок пластырем к краю кровати Рико.

— В кино герои всегда красивые. А вы были в грязи и крови. Значит, настоящие.

Рико смотрел на кривую звезду несколько секунд. Потом тихо засмеялся:

— Первый раз в жизни получил награду от человека без лицензии.

— Не теряй её.

— Постараюсь.

Ева прыгнула с кровати. У двери остановилась.

— И больше так не делайте.

— Что именно? — спросил Киро.

— Не умирайте.

Она вышла раньше, чем кто-то успел ответить. Киро долго смотрел на дверь. Потом тихо произнёс:

— Знаешь... Мне кажется, она умнее нас всех.

Через пару дней Рико и Киро выписали. Рико сразу кинулся на поиски Марко. Тот не отвечал ни на звонки, ни на сообщения. Вечером он нашёл его в дешёвом баре возле старого моста. Рико медленно опустился напротив.

— Граната откуда?

— Спёр на складе. Хотел хоть раз оказаться полезным.

— Ты идиот.

— Знаю.

Рико рассматривал его лицо: разбитая скула, синяки, усталость.

— Ты опять решил, что отвечаешь за всё?

Марко сжал зубы.

— Я должен был быть рядом.

— Ты был.

— Не тогда, когда это было нужно.

Рико наклонился вперёд.

— Послушай меня. Если ещё раз притащишь на операцию гранату без приказа — я лично тебя закопаю.

Марко нервно рассмеялся.

— Вот теперь узнаю своего начальника.

Рико провёл рукой по шее, где под бинтом ещё проступала кровь.

— Заканчивай жалеть себя и возвращайся в агентство.

— Думаешь, после такого мы всё ещё контролируем ситуацию?

Рико посмотрел в окно бара, на отражение собственного лица.

— Нет. Но теперь хотя бы понятно, что он тоже начал нервничать. А значит, мы подобрались ближе, чем думали.

— Амиго, наблюдаю за тобой месяц... Ты говоришь как профессионал, действуешь как профессионал. Когда ты стал таким? Ты же всю жизнь был журналистом.

— Друг мой, журналист и детектив — это одно и то же. Лично я разницы не заметил.

— Считаешь, что ты в своей тарелке теперь?

— Считаю, что я наконец достиг уровня этой тарелки. Я там, где могу совместить журналистику и новые навыки ради блага других. Проще говоря, избавился от рутины профессии.

Когда Рико вернулся домой, дверь ему открыла Дина. Руки в боки. За её спиной стояла Ева. Смотрела настороженно. Слишком взросло для десяти лет. Рико попытался улыбнуться и ткнул пальцем в повязку под воротником:

— Видишь, дорогая, есть ещё психи, которые искренне верили, что у меня где-то тут спрятано сердце.

Ева тихо хихикнула. Дина — нет. Она молча отошла в сторону, пропуская его в квартиру. Рико сразу понял: сейчас будет хуже, чем на пустыре.

Разговор начался на кухне. Ева ушла к себе почти сразу, почувствовав напряжение между родителями. Дина стояла у окна, скрестив руки.

— Тебя чуть не убили.

— Не драматизируй.

— Тебе шею вспороли.

— Поверхностно.

Она резко повернулась.

— Хватит.

Дина подошла ближе.

— Я серьёзно. Прекрати это расследование.

Он даже не сразу понял смысл её слов.

— Что?

— Уйди. Вернись к нормальной жизни. Хотя бы сейчас.

Рико медленно сел на стул.

— Ты сейчас это серьёзно говоришь?

— Более чем.

— После всего, что произошло?

— Именно после этого.

— И что ты предлагаешь? Сидеть дома? Смотреть фильмы? Делать вид, что ничего не происходит?

— Я предлагаю тебе остаться живым.

— А на тебя? — он поднял взгляд. — На тебя мне тоже должно быть плевать? Ты продолжишь работать одна?

— Не переворачивай.

— Нет, Дина. Это ты переворачиваешь.

Он медленно поднялся.

— Что я должен показать Еве? Что, когда стало страшно, её отец спрятался дома?

— Не спрятался. Пожертвовал чем-то ради семьи.

Рико качнул головой.

— Вот только под словом «чем-то» ты сейчас прячешь половину моей жизни.

— Я прячу там твою жизнь вообще-то!

— А я пытаюсь защитить нашу семью!

Голос сорвался громче, чем он хотел. В соседней комнате стало тихо. Рико провёл рукой по лицу и уже спокойнее продолжил:

— Их несколько, Дина. Не один человек. Не псих-одиночка. Организованная группа. Они ходят по тем же улицам, что и мы. И я не успокоюсь, пока не отравлю жизнь каждого из них.

— Послушай себя.

Она смотрела на него почти с ужасом.

— Ты говоришь как они.

Рико устало прикрыл глаза.

— Чтобы поймать таких людей, нужно понимать, как они думают.

— Нет. Нужно не стать одним из них.

Несколько секунд они просто стояли друг напротив друга. Потом Рико тихо произнёс:

— Если я сейчас всё брошу, я не семью спасу. Я её поте-

ряю. Просто не сразу.

Дина отвернулась первой.

Глава 7. «Я сам до конца себя не знаю»

Восстановление шло плохо. Хуже, чем ожидали врачи. Старая болезнь снова поднялась наверх, будто только и ждала момента. Головные боли возвращались почти каждый вечер. Иногда так резко, что Рико приходилось садиться прямо посреди комнаты и ждать, пока перестанет темнеть в глазах. Кровотечения тоже участились. Дина старалась не показывать тревогу, но он замечал всё: как она задерживает взгляд на бинтах, как проверяет, спит ли он, как вздрагивает от каждого звонка телефона. Хуже всего было другое. Он выпал из расследования. И чувствовал себя бесполезным.

Марко снова исчез и больше не выходил на связь. Киро тоже пропадал где-то с добровольцами. А Рико оставался дома. С Евой. Она неожиданно быстро привыкла к его постоянному присутствию. Сиделась рядом с ноутбуком, пока он читал материалы. Засыпала вопросами:

— А преступники правда всегда оставляют следы?

— Почти всегда.

— А ты уже ловил убийц?

— К сожалению.

— А страшно?

— Только когда мама злится.

Ева рассмеялась. Потом вдруг серьёзно спросила:

— Возьми меня с собой как-нибудь.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я делаю всё это как раз для того, чтобы тебе никогда не пришлось этим заниматься.

Она нахмурилась.

— Но тогда чем мне заниматься?

Рико задумался. Потом притянул дочь ближе.

— Есть одна очень сложная штука. Жизнь называется.

— Скучно звучит.

— А вот и нет. Вся сложность — прожить её достойно.

Он провёл рукой по её волосам.

— Мне пришлось рано повзрослеть. У меня были младшие братья. Я всё время чувствовал, что обязан быть сильнее, даже когда сам был ребёнком. Никому особо не было дела, как я справляюсь.

Ева внимательно слушала. Не всё понимая. Но чувствуя главное.

— А тебе повезло, — тихо сказал Рико. — Потому что у тебя есть мы. И я верю, что ты вырастешь куда лучше меня.

В этот момент раздался звонок в дверь. Дина пошла открывать. Через секунду из прихожей донеслось:

— Господи...

Рико поднял голову. Марко стоял в дверях. Подтянутый. Свежий. Лицо отдохнувшее, взгляд ясный, будто за послед-

ние недели он не потерял, а обрёл силы. Волосы аккуратно подстрижены. Дина прислонилась к стене и широко улыбнулась:

— Надо же. Похоже, ты наконец взял себя в руки.

— Привет и тебе.

— Проходи. Контуженный и алкоголик в завязке — отличная встреча.

Он медленно вошёл в комнату. Увидел Рико.

— Привет.

Рико молча протянул руку. Марко крепко её сжал.

— Я вернулся.

Несколько секунд Рико рассматривал его лицо.

— Что случилось?

Марко сел напротив.

— Аделина забрала заявление на развод.

Рико поднял брови.

— Серьёзно?

— При одном условии.

— Каком?

Марко впервые за вечер оживился.

— Мы продолжаем работать.

— Она всё-таки сумасшедшая.

— Зато моя.

Он опустил взгляд.

— Мы слишком долго искали способы меня починить. А оказалось... Мне не нужно было забывать. Нужно было сно-

ва почувствовать, что я кому-то нужен. Некоторые пустоты нельзя заполнить ничем новым. Только вернуть то, что удерживало тебя раньше.

— Ладно. Тогда давай работать.

На стол легли фотографии. Отчёты. Схемы. Марко говорил спокойно и собранно.

— После нападения я пересмотрел всё. Их было минимум шесть человек.

— Семь.

— Почему?

— Один координировал с расстояния. Слишком слаженно они двигались.

— Думаешь, группа?

— Думаю, мы с самого начала искали не там.

Рико открыл папку с материалами.

— У убийств нет единого почерка. Разные методы. Разные районы. Разные интервалы времени. Для одного человека слишком хаотично.

— То есть?

— Либо несколько исполнителей. Либо кто-то сверху управляет ими.

— Прекрасно. Значит, у нас тут почти маленькая армия психов.

— Пока это только гипотеза.

— А ты сам как?

Рико поднялся.

— Нормально.

— Это не ответ.

— Тогда вот ответ.

Он подошёл к шкафу и начал одеваться.

— Ты что делаешь?

— Возвращаюсь.

— Ты еле стоишь.

— Отлично. Значит, никто не заподозрит, что я опасен.

— Рико...

— Бегом, амиго. Пока Дина не поняла, что я оделся.

В агентстве бурлила жизнь. Добровольцы спорили у доски с картами. Киро не было. Рико сел во главе стола и начал слушать доклады. Чем дольше слушал — тем сильнее хмурился. С момента создания патрульных групп убийства почти прекратились. Будто преступники действительно переключились только на них. На Рико. На Киро. Это уже не выглядело случайностью.

Эксперт-криминалист листал бумаги:

— По характеру ранений можем предположить, что один из нападавших левша. И ещё... Удалось установить группу крови одного из преступников.

— Какая?

— Вторая положительная.

Марко ехидно цокнул:

— То есть половина города.

Рико уже почти не слушал. Он листал фотографии вещдо-

ков. Вдруг остановился, вернулся на несколько страниц назад, потом ещё.

— Стоп.

Все обернулись. Рико положил фотографии на стол. Возле тел жертв действительно лежал один и тот же предмет — маленький металлический брелок, почти незаметный.

— Вас вообще это не смутило? — тихо спросил Рико.

Марко наклонился ближе.

— Подожди...

Рико оторвался от фотографий.

— Несколько недель назад мы с Диной нашли точно такой же.

Марко выпрямился.

— А вот и почерк, который ты искал.

Он постучал пальцем по фото.

— Похоже, этот псих любит оставлять автографы. Вопрос только зачем.

— Для красоты, наверное.

— Или это метка группы, — тихо сказал кто-то из добровольцев.

Марко вдруг щёлкнул пальцами.

— Подожди. Такие штуки редко продаются поштучно. Их либо делают под заказ, либо закупают оптом.

Рико согласился.

— Значит, ищем точку сбыта.

— Отлично. Можем поручить это нашему вечно рвущему

муся в бой товарищу.

Марко оглядел зал.

— Кстати... А где Киро?

Люди переглянулись. Никто не знал. Рико достал телефон. Десятки пропущенных от Дины. Он устало прикрыл глаза.

— Кажется, сначала мне придётся пережить ещё одно расследование. Семейное.

Домой Рико возвращался уже глубокой ночью. Он открыл почтовый ящик. Реклама. Счёт за квартиру. Ещё один счёт. И белый конверт без марки. Рико несколько секунд держал его в руке, потом поднялся в квартиру. Дина начала говорить сразу, как только он переступил порог, — про врачей, про то, что он снова исчез без предупреждения, про швы, про то, что нормальные люди после ранения хотя бы неделю лежат дома. Но Рико почти не слышал её. Он сидел за кухонным столом, глядя в содержимое конверта. Одна короткая фраза: «Помнишь меня?» И нарисованное внизу сердце — неаккуратное, будто человек долго не решался его нарисовать.

Дина заметила, что он не реагирует, подошла ближе.

— Что это?

Рико молча протянул лист. Она пробежалась глазами по тексту, нахмурилась.

— Откуда?

— В ящике.

— И что это за поклонницы у тебя появились?

Рико слабо улыбнулся.

— С чего ты решила, что это женщина?

— Почерк. — Она снова посмотрела на письмо. — Слишком аккуратный. И эти сердечки... Похоже на бывшую жену, которая решила напомнить о себе.

— Ты у меня первая и последняя.

— Не подлизывайся.

Дина перечитала записку.

— Думаешь, это связано с делом?

— Скорее всего.

— Почему?

— Слишком вовремя. И слишком демонстративно. — Он забрал письмо обратно. — Похоже, кто-то опять играет с нами.

— Ты говоришь об этом слишком спокойно.

— Потому что убийства прекратились.

Дина подняла голову.

— Что?

— После создания групп добровольцев — ни одного нового нападения. Кроме пустыря.

Он потянулся к сумке и достал бумаги с сегодняшнего собрания.

— Они перестали охотиться на случайных людей. Теперь их интересуем только мы.

Дина пробежала глазами записи.

— Ты так говоришь, будто это хорошая новость.

— Это и есть хорошая новость.

— Рико...

— Значит, мы начали мешать.

Он постучал пальцем по листу.

— У нас появился почерк. Брелоки возле жертв. Левша среди нападавших. Организованная группа. До этого мы вообще двигались вслепую.

Дина слушала. Потом снова посмотрела на письмо.

— Всё равно мне это не нравится.

— Мне тоже.

Рико задумчиво повертел лист в руках.

— Кстати... Ты правда думаешь, что писала женщина?

— Почти уверена.

— Почему?

— Интуиция.

Она подошла ближе и осторожно коснулась его шеи. Рико поморщился.

— Ай.

— Не айкай. Сам виноват.

Дина начала менять повязку. Движения были аккуратными, но раздражение всё ещё чувствовалось в каждом прикосновении.

— Ты опять сорвал бинты?

— Немного.

— Немного? У тебя шов почти воспалился.

— Я был занят.

Она резко затянула повязку. Рико дёрнулся.

— Дина!

— Не волнуйся, милый. Похоже, теперь тебя придётся привязывать к кровати, чтобы ты никуда не сбежал.

— Это уже звучит опасно.

— Для тебя — да.

Он протянул ей фотографию брелока из материалов дела — маленькое металлическое сердце.

— Сможешь помочь?

— В чём именно?

— Найти, где это продаётся. Если их закупали оптом, должен остаться след.

Дина покрутила фото.

— Хендмейд-магазины, сувенирные лавки, онлайн-заказы... Вариантов сотни.

— Но ты всё равно найдёшь.

Она поймала его улыбку и вздохнула:

— Когда-нибудь твоя вера в меня меня погубит.

— Нет. Пока только спасает.

В этот момент в дверях кухни появилась Ева.

— Вы опять про убийц?

Дина выпрямилась.

— Вообще-то тебе давно пора спать.

Но Ева уже смотрела только на Рико.

— Пап... А можно я тоже буду помогать?

Рико вскинул брови.

— В расследовании?

— Ну да. Я внимательная.

— Это правда, — вставила Дина.

Ева воодушевилась.

— И я умею замечать странности! А ещё я запоминаю лица.

— Очень опасный навык, — серьёзно сказал Рико.

Она подошла ближе.

— Я уже взрослая.

Рико посмотрел на дочь, потом притянул её к себе.

— Ты уже и так очень помогаешь.

— Как?

— Тем, что каждый день напоминаешь мне, ради чего я вообще всем этим занимаюсь.

— Но это же не задание.

— Ещё какое.

Он ткнул пальцем в сторону коридора.

— А теперь у тебя самая важная миссия вечера.

— Какая?

— Ужин. Чистить зубы. И спать.

Ева закатила глаза.

— Скучное задание.

— Зато уровень сложности высокий.

Она вытянулась по стойке смирно.

— Так точно, капитан.

Рико рассмеялся впервые за последние дни. Ева убежала

в комнату.

На кухне снова стало тихо. Дина села рядом.

— Знаешь... мне иногда страшно.

— Мне тоже.

— Нет. Я не про убийц.

Она посмотрела на письмо в его руках.

— Я боюсь, что однажды кто-то из твоего прошлого постучится в дверь... и я пойму, что вообще тебя не знаю.

Рико помолчал, потом осторожно взял её ладонь.

— Тогда тебе повезло.

— Почему?

— Потому что я сам до конца себя не знаю. Значит, мы в одинаковом положении.

Ночь. Дина подошла к кухонной стойке, открыла нижний ящик и достала компактную УФ-лампу. Включила её — синеватый луч упал на письмо. Дина наклонила лист, и на нём проступил водяной знак: официальный штамп, дата — 2014 год, «Муниципальный архив». Она сфотографировала лист на телефон, выключила лампу, сложила бумагу и убрала на место.

Шли дни. Конверт с надписью «Помнишь меня?» и нарисованным от руки сердцем лежал на кухонном столе. Рико касался его каждый вечер — будто проверял, не исчез ли. Но конверт оставался. Как забытый окурок. Время от времени от него веяло сладковатым, цветочным запахом — не Дины, не Евы. Дина застала его за этим. Он сидел, уперевшись лок-

тями в стол, вертел конверт в пальцах, будто искал невидимые чернила. Тени под глазами — рваные, глубокие.

— Завтра снова пойдём?

— Сегодня.

Она прислонилась к косяку, скрестив руки.

— Ты не спал двое суток. Шов воспалён. Врач сказал — покой.

— Врач сказал «покой». — Рико оторвался от конверта.

— А кто-то оставляет брелоки на телах моих знакомых. Покоя не будет, пока я не найду его.

— Сегодня вечером — причал.

Он уже натягивал пальто. Дина не сдвинулась.

— Ты обещал быть осторожным.

— Я всегда осторожен.

— Ты умирал дважды. Это, по-твоему, осторожность?

Он обернулся. На миг взгляд стал прежним — горячечным, как тогда, много лет назад, когда клялся, что выживет.

— Я вернусь.

Из комнаты — шёпот:

— Пап...

Рико закрыл глаза. Ева сидела на полу, рисовала при свете ночника. Он опустился рядом.

— Что рисуешь?

Она протянула лист. Дом. Река. Две фигуры. Одна — чёткая, в чёрном пальто. Вторая — размытая, будто стёртая, но не до конца.

— Это я?

— Да.

— А это кто?

— Ты, но другой. Когда думаешь, что никто не видит.

— Ты это придумала?

— Нет. Он иногда отстаёт. Но всегда возвращается. Как
тень.

— Красиво.

— Нет. — Она подняла голову. — Ты там один. Я нари-
совала, потому что ты сейчас уйдёшь.

— Я быстро.

— Ты всегда так говоришь. А потом мама сидит на кухне
и смотрит в одну точку.

Он провёл рукой по её волосам. Не нашёл слов. Вышел.

Город встретил сырым ветром и запахом реки. Причал тя-
нулся вдоль старого порта, освещённый тусклыми фонаря-
ми. Они выхватывали ржавые контейнеры, штабеля поддо-
нов, редкие фигуры торговцев, расставлявших товар на бре-
зентах. Дина и Рико шли вдоль рядов. Делали вид, что смот-
рят на безделушки. На самом деле сканировали толпу: кто
стоит без дела, кто следит, у кого под курткой — товар.

— Слишком тихо, — прошептала Дина. — Они знают,
что мы здесь.

— Пусть знают. Нам нужна не паника. Реакция.

Остановились у прилавка. Женщина в засаленном платке
торговала бижутерией. Рико взял дешёвое сердечко с кривой

гравировкой.

— Откуда товар?

— Поставщик. Раз в месяц привозит.

— Мне нужен конкретный. — Он показал фото брелока с места преступления.

Она глянула. Перекрестилась — мелко, судорожно.

— Откуда это у вас? Где вы его взяли? Это не мой товар. И вам не советую искать. Тот, кто их заказывает... он их возвращает.

— Кому?

— Не знаю. Говорят, их оставляют как метку. Тем, кто задолжал. Долг кровью, долг жизнью... Если вы нашли такой — вы уже в списке.

Рико сжал её запястье стальной хваткой.

— Имя. У кого вы их берёте?

— У меня нет имени. Он из старых. Из тех, кто сидел. Говорят, вернулся. Собирает долги. Больше ничего. Отпусти-те!

Он отпустил. Она схватила чётки, исчезла за рядами.

Дина дёрнула за рукав:

— Уходим. За нами следят.

Трое в тёмных куртках пробирались сквозь толпу. Рико не стал ждать. Рванул вдоль контейнеров, увлекая Дину. Нырнули в проход, свернули к воде — туда, где громоздились ржавые баржи. Топот ног отражался от металла. Рико резко остановился. Прижался к контейнеру. Первый вылетел из-за

угла — удар в горло. Второго Дина сбила подсечкой. Третий замешкался. Бежали дальше. В конце прохода — силуэт. Рико бросился. Перехватил руку. Оба рухнули в грязь. Захват на излом. Хруст кости.

— Кто тебя послал?!

— Мы просто передаём... Не знаем, кому.

— Кому?!

— Человек... всегда один... маска... лица не видим. Координаты сбрасывают. Забирают товар. Я не знаю, кто он.

— Где он сейчас?

— Меняется... Сегодня был у старого склада на железной дороге. Но он уже ушёл. Мы опоздали.

Рико отпустил. Медленно поднялся. Дина помогла дойти до края причала. Он смотрел в чёрную воду.

— Это не цепочка. Это система отбора. Они не продают брелки. Они их сортируют. Кто-то заказывает партию, отбирает только те, что подходят под шаблон.

— Для чего?

— Для меток. На телах. И на живых.

Она сжала плечо.

— Возвращаемся.

— Ещё нет.

Старый склад на отшибе железнодорожной ветки — мёртвая тишина. Облупленные стены, выбитые окна, рельсы, уходящие в туман. Дина и Рико обогнули здание. Главный вход — чёрный провал. Не тронули. Рико знал: криминальные ку-

рьеры не ходят парадным. Сзади, за кучей металлолома, — узкий проход. Прикрыт ржавым листом. Рико присел, включил фонарь. На земле — свежие следы, окурки. Под бетонной лестницей, ведущей в подвал, что-то блеснуло. Он поднял. Брелок. Точный такой же, как на телах жертв. На обратной стороне — выцарапанный символ. Знаком с детства.

— Что это? — Дина наклонилась, рассматривая.

— Метка. Оставлен специально.

— Значит, мы на верном пути. Но внутрь — нельзя. Нет подкрепления. Если брелок там и не один — мы просто ляжем.

Рико стиснул зубы. Каждая клетка кричала: вперёд. Но Дина была права. Он не ответил. Забрали брелок. Отступили в предрассветную мглу.

Дома — свет в окнах. Ева сидела на кровати, обхватив колени. Глаза сузились.

— Ты обещал быстро.

— Прости. — Рико опустился перед ней. — Мы нашли важную вещь.

— У тебя кровь.

— Пришлось подраться.

— Ты поймал плохих?

— Не всех.

— Я знаю. — Она протянула рисунок — с двумя фигурами. — Он всё ещё там. Но ты его поймаешь. Я знаю.

Он обнял её. Прижал. Гул в голове стал тише. Но внутри

— беспокойство. Он отстранился. Снял куртку, переоделся. Дина стояла в дверях.

— Ты никуда не пойдёшь. Только не сейчас.

— Я скоро.

— Ты не спал. Полежи хотя бы час.

— Не могу. — Поцеловал её в висок. — Просто до реки и обратно. Подышу.

Она хотела возразить. Но узнала этот взгляд, когда он уезжал в ночь и не оглядывался. Дина не сказала ни слова.

Берег — запах тины, мокрой земли. Рико стоял у кромки воды. На том месте, где бросил дневник много лет назад. Туман — густой, осязаемый. В голове — шум. Усталость. Потеря крови.

— Дядя Рико... Вы меня помните?

Он обернулся. Из тумана — девочка. Лет пятнадцати. Бледное лицо, острые скулы, голубые глаза — прозрачные, как августовское небо. Чёрные кудри. На шее — брелок-сердце. Точный такой же, как тот, что нашли под лестницей.

— Кто ты? — голос — сквозь вату.

— Вы правда не помните? Вы же обещали. Я ждала. Долго. А вы не пришли.

Рико отшатнулся.

— Откуда у тебя это? — указал на брелок.

Она коснулась его пальцами. Улыбнулась. Улыбка — не детская.

— Подарок. От дяди Антонио.

Имя — как выстрел. Антонио. Предатель. Человек, которого он сам посадил. Сын полицейского, развалившегося благодаря его статье. Человек, кричавший: «Ты ещё запла-тишь». Тепло в носу. Рука к лицу — пальцы в крови. Перед глазами — круги. Ноги подкосились. Последнее, что увидел — она протягивает ладонь. На ней — брелок.

Очнулся от резкого запаха нашатыря. Дина — на корточ-ках, лицо блее мела.

— Рико! Слава богу!

Он лежал в прихожей. Дина, должно быть, услышала паде-ние. Голова будто расколота. Рукав свежей рубашки — сно-ва в крови.

— Девочка... — прохрипел. — Где она?

— Здесь никого нет. — Голос дрожит. — Я нашла тебя на ступеньках. Ты споткнулся. Лежал... Я думала, ты...

— Я видел её. Говорил. У реки.

— Кого? — Дина схватила его за лицо. — Кого?

— Девочку. Подростка. Кудрявая брюнетка. Голубые гла-за. Назвалась Марго. Она стояла передо мной.

Дина медленно покачала головой.

— У тебя галлюцинации. Ты ударился, потерял кровь, не спал. Мозг играет. Пожалуйста... Послушай меня.

— Она назвала имя Антонио. Ты понимаешь, что это зна-чит?

Дина побледнела.

— Антонио? Но его же посадили. На шесть лет.

— Прошло больше. Ты сама сказала. Он мог выйти. И он использует эту девочку, чтобы свести меня с ума. Или заманить.

— Или никакой девочки нет. — Дина сжала его пальцы до боли. — Только истощение. Старая травма. Ты видишь то, чего нет. Рико, умоляю, поговори с врачом. Хотя бы просто полежи. Ты сам не свой.

— Врач подождёт.

— Ты даже на ногах не стоишь!

Он поднялся, опираясь на стену. В голове — шум. Взгляд — твёрдый.

— Я должен её найти. Если Антонио вышел — он не остановится. А девчонка, реальная она или нет, — ключ.

Дина закрыла лицо руками. Потом резко встала.

— Хорошо. Тогда я иду с тобой. Но сначала — обезболивающее. И я осмотрю шов. Если увижу, что теряешь сознание — вызываю скорую. И плевать на твоё расследование.

Он кивнул — коротко, почти виновато. Но в глазах уже горел тот огонь, который она не могла погасить.

Серое, промозглое утро. Дина задремала только под утро — сидела у кровати всю ночь. Рико почти не спал. Закрывал глаза — видел Марго. Голубые глаза. Брелок на цепочке. Ева стояла в дверях кухни. Одна. В руках — его блокнот.

— Пап, ты забыл карту.

— Какую?

Она протянула блокнот. Страница — схема склада. Круги. Стрелки. Крест у главного входа. И ещё один — сзади, обведённый детской рукой.

— Там, куда вы ездили, есть второй вход. Узкий. Почти незаметный. Я видела, как один из них выходил. Прятал что-то под лестницей. Маленькое. Металлическое.

Рико посмотрел на неё. В груди — лёд.

— Ты была там?

— Я не заходила. Но видела. — Губы сжаты. В глазах — упрямство. Его упрямство. — Пряталась за вагонами. Ты не заметил. Ты вообще редко замечаешь, когда я рядом.

— Ева... — Он опустился перед ней. — Ты с ума сошла? Это опасно! Не ходи за мной. Вообще больше никогда не вздумай так поступать!

— А то, что ты делаешь, не опасно? Ты обещал вернуться. Каждый раз. Но я всё равно жду. И смотрю.

Он не ответил. Взял блокнот. Поцеловал в макушку.

В прихожей — Дина. В руках — его пальто. Молчаливая. Глаза — красные.

— Ты всё равно пойдёшь?

— Да.

— Тогда звоню Марко и группе. Никаких одиночных вылазок. Если что-то померещится — говоришь мне. Договорились?

— Договорились.

Рико уже взялся за ручку двери, когда сзади раздались ша-

ги. Ева стояла в прихожей. Куртка — наспех, поверх пижамы. Рюкзак за плечами.

— Я еду с вами.

— Нет. — Он даже не обернулся.

— Я не спрашиваю. Я говорю.

Дина медленно повернулась. В глазах — страх. Раздражение. И где-то глубоко — уважение. К этому маленькому упрямому созданию, которая унаследовала всё от отца.

— Ева, это не игра. Там вооружённые. Ты остаёшься с бабушкой.

— Бабушка в другом городе.

— Тогда с тётей Аделиной.

— Вы не понимаете! Я была там! Видела вход. Видела, куда прячут вещи. Без меня вы потратите час на то, что я уже знаю.

— Нарисуешь схему. Подробную. — Рико скрестил руки.
— И останешься дома.

— Схема не покажет, где стоят люди. А я покажу. — Она поймала его взгляд. И он увидел себя: то же упрямство, та же жар в зрачках. — Ты учил меня быть смелой. Не прятаться. А теперь хочешь запретить меня?

— Одно — быть смелой. Другое — лезть под пули. — Дина шагнула к ней. — Ты хоть понимаешь, чем это может кончиться?

— Понимаю! Мам, я не могу сидеть и рисовать, пока вы рискуете. Я видела их. Знаю, как двигаются. Я могу помочь.

Они переглянулись. Ни слова. Только страх. Первой сда-лась Дина.

— В фургоне, с Марко. Не выходи ни при каких обстоятельствах. Если начнётся стрельба — сразу ложись. Когда Марко скажет «бежим», ты бежишь. Поняла?

— Поняла.

— Я ещё не закончила. Один шаг в сторону — и ты больше никогда не выйдешь из дома без сопровождения: ни в школу, ни в парк, ни куда-либо ещё. Ясно?

— Ясно, мам.

Рико смотрел на дочь. В его взгляде смешались гордость и ужас. Он резко выдохнул и взял рацию.

— Марко, подгони фургон. У нас плюс один.

В рации раздался треск.

— Плюс один? Это кто?

— Младший аналитик. Сидит в машине и не высовывает-ся. Ты отвечаешь за неё головой.

— Понял. Принято.

Служебный фургон служил штабом на колёсах: внутри теснились мониторы, рации, на столике лежала развёрнутая карта. Ева сидела рядом, пристёгнутая ремнём; на шее у неё висели наушники, а в ногах стоял рюкзак, набитый блокнотами и карандашами.

Марко повернулся к ней, и лицо его стало предельно серьёзным.

— Значит, так, коротышка. Ты — центр управления. Ес-

ли что-то заметишь — сразу говори. Услышишь выстрелы — ложись. Если я скажу «жми», ты не жмёшь, но прижимаешься к сиденью. Усвоила?

— Усвоила, — Ева закатила глаза. — Ты повторяешься.

— Я боюсь твоего отца больше, чем тех, кто на складе, — хмыкнул Марко. — Ладно. Тишина в эфире. Они начинают.

Глава 8. «Он создаёт состояние»

В наушниках звучал голос Рико — спокойный, будто отлитый из металла.

— Группа один — северный периметр. Группа два — восточный. Мы с Диной заходим через задний вход. Марко, держи связь. Если через десять минут не выйдем — вызывай подкрепление и увози Еву. Приказ ясен?

— Ясен, командир. Удачи.

— Она нам понадобится.

Задний вход оказался именно там, где указала Ева, — узкий лаз, прикрытый ржавым листом. Рико отодвинул его, и в нос ударил запах: тяжёлый, кислый, пропитанный страхом. Пахло немытыми телами. Дина прикрывала его, и вдвоём они двинулись вниз — по бетонным ступеням, в темноту. Луч фонаря вонзался в мрак, выхватывая из него заплеванные стены, лужи на полу, ржавые трубы. А потом появились клетки — сваренные из арматуры, выстроившиеся вдоль стен. Внутри сидели люди: грязные, измождённые, в рваной одежде. Кто-то лежал, не шевелясь, другие тянули шеи к свету, словно цепляясь за него. Мужчина с разбитым лицом, женщина с безумными, почти остекленевшими глазами, двое подростков, тесно прижавшихся друг к другу.

— Господи... — Дина резко выдохнула. — Сколько их...

Рико считал. В первой комнате — пятеро.

— Есть ещё, — прохрипел мужчина с разбитым лицом. Его трясущаяся рука указывала вглубь коридора. — Там... дальше... дети.

Рико выбил замок и двинулся вперёд, Дина следовала за ним.

В дальней комнате стояла ещё одна клетка. Внутри — трое: двое мальчишек и девочка постарше. На их телах темнели синяки, глаза были воспалёнными, затравленными, полными невысказанного ужаса.

— Мы вас вытащим, — Рико взламывал замок, голос его звучал твёрдо, но в нём угадывалась сдерживаемая ярость. — Держитесь.

Сзади раздались шаги — тяжёлые, уверенные, не скрывающие намерения. Рико обернулся. В дверном проёме стоял мужчина: бритая голова, шрам, пересекающий щёку, в руке — пистолет.

— А я всё ждал, когда сунетесь. Брелок привёл, да? Красивая штучка. Мы таких много сделали.

— Кто заказчик?

— Заказчик? Мы сами по себе. Должники. Беглецы. Кого не хватает — тот наш товар. А брелок — метка. Чтобы не перепутать, кого куда везти.

— Антонио? Что с ним?

— Антонио? Не знаю таких.

Рико переглянулся с Диной. Внутри у него всё оборвалось. Это было не логово убийцы. Перевалочный пункт. Ра-

боторговля. Брелоки действительно были частью схемы — но не имели отношения к убийствам.

— Бросай оружие.

Голос раздался сзади: двое бойцов из группы зашли с тыла. Ещё мгновение — и склад наполнился людьми. Подкрепление ворвалось через главный вход. Главарь не успел среагировать: пистолет вылетел из его руки и глухо ударился о пол, а на запястьях щёлкнули наручники.

Пока освобождали пленников, Рико стоял посреди комнаты, сжимая в кулаке брелок. Не убийцы. Работотроговцев.

Они вышли наружу. Ева ждала у фургона — несмотря на запрет. Марко не стал загонять её обратно: он тоже смотрел на освобождённых пленников, и в его взгляде читались одновременно ярость и ужас.

— Пап! Вы всех? Всех?

Рико присел перед ней.

— Всех. Ты была права. Вход, который ты нашла, вывел нас прямо к ним. Без тебя мы потеряли бы время.

В его глазах светилась гордость — яркая, почти осязаемая.

— Ты поймал убийцу?

— Нет. Это не он. Похитители. Работотроговцы. Брелоки — да. Но не убийства.

— Значит, он всё ещё там?

— Да. И он знает, что мы идём.

Ева помолчала, глядя на вереницу пленников, на санита-

ров, на машины скорой помощи. Потом подняла голову.

— Ничего. Мы найдём его. Вместе.

Рико хотел возразить, но вместо этого положил руку ей на плечо.

Марко хмыкнул:

— Слушай, амиго, по-моему, у тебя растёт второй командир.

— По-моему, растёт вторая Дина. Что ещё хуже.

Дина подошла и шлёпнула Рико по плечу.

— Ничего подобного. В её возрасте я не сбегала по ночам смотреть на рейды.

— Ты просто не умела рисовать карты, — тихо отозвалась Ева.

И раздался смех — короткий, но свой, объединяющий их всех.

Фары трёх чёрных внедорожников и двух карет скорой помощи разорвали полдень, заливая промзону мертвенно-синим светом. Дневной свет будто сдался — не смог пробиться сквозь дым и пыль, висевшие над контейнерами. Запах тины и ржавчины смешался с выхлопными газами. Освобождённые пленники — пятеро из первой комнаты и трое детей — жались друг к другу, кутаясь в серые одеяла. Их лица, разбитые и опухшие, были обращены к людям в форме, как к спасителям, но в глубине зрачков ещё жил страх, что это всё сон, и сейчас их снова загонят в клетки.

Бернардо выбрался из головной машины, не застегнув

пальто. Осмотрел место операции: штабеля контейнеров, суетящихся санитаров, группу захвата, выводившую главаря с заломанными за спину руками. Шрам на щеке бандита багровел в свете фар, но взгляд у него был не злой, а растерянный — так смотрят хищники, впервые оказавшиеся в клетке.

— Рико, — голос перекрыл шум двигателей. — Ты что, решил одним рейдом закрыть все нераскрытые дела города?

Рико привалился к фургону — усталость вдавила его в металл. Повязка на шее промокала — то ли от пота, то ли от свежей крови. Он заставил себя выпрямиться, когда начальник подошёл ближе.

— Это не убийца. Это просто твари, торгующие людьми. Брелоки их, но почерк другой. Не резали Виктора. Не стреляли в Лукаса.

— Знаю. — Бернардо хлопнул его по плечу. — Но это не меняет сути. Ты взял банду, которую мы пасли два года. Два года, Рико. Они меняли точки, у них были крысы в муниципалитете. А ты со своей командой накрыл их за одну ночь.

Он перевёл взгляд на Еву, всё ещё стоявшую у фургона. Марко, как верный телохранитель, стоял рядом. Девочка не выглядела испуганной. Скорее — сосредоточенной. Смотрела на освобождённых детей. В её больших карих глазах — не жалость, а понимание цены, которую платят за слабость.

— А это кто у нас?

— Мой младший аналитик. Без неё не нашли бы второй вход.

Бернардо удивился, но Ева не отвела глаз — смотрела на детей у скорой помощи. На одну — особенно. Девочка сидела, прижав одеяло к груди. Когда санитар поправил рукав, на запястье мелькнул след — круглый, будто от браслета.

— Дядя Бернардо?

— Да.

— У неё на руке шрам. Круглый такой. Как будто долго носила браслет.

Дина резко подняла голову.

— Какой браслет?

Марко медленно опустил сигарету.

— Подожди...

Ева перевела взгляд на родителей.

— В нашей школе есть Соня. Её сестра пропала почти на месяц. Потом вернулась.

— И? — голос Рико — тихий, но острый.

— Говорила, им нельзя было отходить. А «попослушным» давали браслеты.

Бернардо переглянулся с Диной.

— Почему молчала?

Ева опустила глаза.

— Думала, страшилки.

— А сейчас?

Она посмотрела в окно машины.

— Сейчас — нет.

Марко выругался. Дина достала телефон.

— Звоню в школу. Проверю старые заявления.

Бернардо присел перед Евой.

— Что ещё помнишь?

— Соня сказала — сестра боится сирен. И людей в форме. Молчание. Бернардо медленно выдохнул.

— Проблем больше, чем я думал. Как зовут тебя, герой?

— Ева.

— Запомни этот день. Ты спасла жизни. Это больше, чем многие делают за карьеру.

— Я просто нарисовала то, что видела.

Щёки её порозовели.

— Скромность — хорошо. Для интервью. А для себя знай: ты молодец.

Бернардо выпрямился. Повернулся к Рико.

— Я же говорил, что не ошибся в тебе. Все эти годы — журналистика, больницы, семья — они не убили в тебе главное. Чутьё. Способность видеть то, что другие пропускают. И ещё. Такие, как ты, не останавливаются. Это опасно. Но именно это делает тебя тем, кто ты есть.

Рико хотел ответить. В этот момент Марко, сминая пустую пачку, шагнул в круг света. Лицо — напряжённое. В глазах — смесь обиды и злого торжества.

— Кстати, о команде. Пока мы тут брали склад, кое-кто снова куда-то свалил.

Рико нахмурился:

— Ты о ком?

— О твоём драгоценном Киро. Никто его не видел несколько дней. На связь не выходит. Телефон вне зоны. Я обзванивал больницы — не поступал. Так что, если ты думаешь, что он где-то героически прикрывает нам спину, то у меня для тебя плохие новости.

Дина резко обернулась. Её глаза встретились с глазами Рико. Оба помнили фотографию. Лицо Киро, обведённое красным. «ОН СЛЕДУЮЩИЙ».

— Может, это ловушка? Письмо...

— Да подождите вы. — Бернардо поднял руку. — Никакой ловушки нет. Киро отпросился. У него уважительная причина.

— Какая?

— Его девушка. Шестой месяц. Осложнения. Он звонил мне лично. Я дал добро. Так что прекрати нагнетать. Киро на связи со мной. Он в порядке.

Марко осёкся. Его момент триумфа рассыпался. Он затушил окурок носком ботинка и отвернулся. Дина заметила, как дёрнулся его кадык.

— Ну что, боец? — Рико чуть улыбнулся. — Кажется, в этот раз ты зря беспокоился.

— Я не беспокоился. Я констатировал факт. И вообще, у меня граната была. Серьёзно. Я был готов.

— Я помню. — Рико похлопал его по плечу. — И это пугает меня больше, чем любые убийцы.

— Ну давай, пошутить про обезьяну с гранатой.

— Амиго, как бы это помягче сказать... Ты уже.

Они вернулись домой к вечеру. Город уже утонул в сумраке: низкие тучи нависали над крышами, не пропуская ни единого отсвета уходящего дня. Снаружи царил промозглый холод — конец ноября пробирался под куртки, проникал в швы одежды, сковывал кости.

Ева уснула в машине, доверчиво привалившись к плечу Дины. Рико сидел рядом, прижавшись лбом к прохладному стеклу. По телу растекался странный, какой-то неправильный покой — отголосок эйфории после всплеска адреналина. Он маскировал усталость, глубокую, словно бездонная шахта. Рико знал: расплата придёт позже, в тишине, когда не будет ничего, кроме собственных мыслей.

Дина бережно уложила Еву в постель. Рико остался в гостиной. Сняв рубашку, он взглянул на повязку — она была в крови, но уже не свежей: старая рана давала о себе знать. Он сменил бинт. За окном стояла непроглядная тьма — сквозь неё не пробивался ни единый огонёк.

Рико опустился на диван и принялся листать материалы дела, но вдруг ощутил жар. Сначала лишь лёгкое тепло в кончиках пальцев, а затем — волну, прокатившуюся от груди к голове. Лицо вспыхнуло, будто его опалило пламенем. А следом тело пронзил острый, пронизывающий холод. Начался озноб.

Он попытался встать, но ноги не слушались. Руки задрожали — сначала едва заметно, потом всё сильнее. Листы бу-

маги выскользнули из пальцев и рассыпались по полу. Рико вцепился в подлокотник, пытаясь унять дрожь, но тело билось, словно в припадке. Сознание оставалось ясным — и это было хуже всего. Он чувствовал каждую судорогу, каждый спазм, но не мог их контролировать. В груди будто пылало солнце, а в конечностях застыл лёд.

Рико не хотел будить Дину, не хотел видеть страх в её глазах. Стиснув зубы, он двинулся к балкону, держась за стену. Дрожащие пальцы с трудом справились с задвижкой. Ноябрьский воздух ударил в лицо — ледяной, влажный, пропитанный сыростью. Рико вышел наружу и вцепился в перила. Тело по-прежнему сотрясала дрожь; он слышал, как стучат его зубы — часто, ритмично, словно отстукивая сигналы азбуки Морзе.

Внизу раскинулся спящий город. Огни витрин дрожали в мокром асфальте, где-то одиноко мерцал свет фар машины. Рико смотрел в пустоту, не видя ничего, и вдруг почувствовал тёплую струйку, ползущую по верхней губе. Кровь. Она капала на перила, на рукава, на пол балкона, оставляя тёмные пятна в холодной ноябрьской ночи.

— Чёрт... — прошептал.

Ноги подкосились, и он медленно сполз вниз, отчаянно цепляясь за ледяные перила. В голове нарастал низкий гул — тяжёлый, вибрирующий, словно гул приближающегося поезда, который вот-вот сметёт всё на своём пути. Сквозь это мутное марево, сквозь пелену, застилавшую глаза, он вдруг

увидел её — Марго. Она сидела на корточках на мокром бетоне балкона, будто и не чувствовала пронизывающего холода.

— Не волнуйтесь, дядя Рико, — проговорила она тихо, но отчётливо. — Скоро вы найдёте мою маму. И тогда... тогда вы больше не будете пропадать.

— Марго... — его губы едва шевелились, слова давались с неимоверным трудом. — Кто ты?

Она лишь улыбнулась — улыбкой, совсем не детской, от которой внутри всё леденело, будто кровь застывала в жилах.

Сознание стремительно гасло, растворяясь в темноте. Последним, что он услышал, было его имя, выкрикнутое Динной, — далёкое, приглушённое, словно доносившееся из-под толщи воды.

Тем же вечером Аделина стояла под софитами. Прямой эфир. Час пик. «Город без масок» — её программа — собирала лучшие рейтинги. Сегодняшний выпуск обещал быть особенно острым.

— В студии Аделина. И наш гость — начальник городского управления образования, господин Отто.

Она говорила спокойно. Почти дружелюбно. Но взгляд — цепкий. Как у следователя, который уже знает, где подозреваемый врёт, и ждёт, когда тот споткнётся.

— Господин Отто, вы заявили, что ситуация с буллингом «находится под полным контролем». Это ваша позиция?

Чиновник с холёным лицом, дорогими запонками — рас-

правил плечи.

— Безусловно. Мы внедрили комплексную программу профилактики, работают школьные психологи, проводится мониторинг...

— Мониторинг.

Аделина чуть наклонила голову. Камера взяла крупный план.

— Позавчера в Южном районе тринадцатилетнюю девочку госпитализировали с сотрясением и переломом двух рёбер. Её одноклассники снимали избиение на телефон. Видео гуляет по городу. Вы его видели?

Отто попытался изобразить сожаление.

— Это трагический инцидент. Мы проводим внутреннее расследование...

— Сколько школ проверили за последний год на предмет буллинга?

Пауза. Он потянулся к стакану с водой.

— Я не готов назвать точную цифру...

— А я готова.

Аделина подняла распечатку.

— Семь. Из пятидесяти двух. И во всех семи проверки начались после звонка журналистов. Не по плану. После скандала. Это ваш «полный контроль», господин Отто? Контролировать ситуацию после того, как она взорвалась — это не контроль. Это управление репутацией. И, судя по видео, даже с этим у вас проблемы.

В студии — тишина. Зрители недоумённо водили головами. Кто-то хмыкнул. Отто покраснел. На лбу — испарина.

— Вы передёргиваете. Мы работаем над системными изменениями...

— Назовите конкретные цифры. Сроки. Или «системные изменения» — это бюрократический эвфемизм для «мы ничего не делаем»?

Она не кричала. Не давила истерикой. Препарировала его аргументы с хирургической точностью. Зрители обожали её. Чиновники — боялись.

Отто сменил тактику:

— Очень легко критиковать, сидя в студии. Вы не видите реальной картины.

— Я вижу отчёты больниц. Данные за три года: обращения детей с травмами +40%. Школьных психологов –15%. Это тоже «громкие случаи»? Или тенденция, которую вы предпочитаете не видеть?

Аделина выдержала молчание — идеально. Чтобы зритель прочувствовал ответ, которого не было.

— Спасибо, господин Отто, за исчерпывающий диалог.

Её улыбка была тёплой. Без сарказма. Именно это делало её убийственной.

— Уверена, родители оценят вашу... осведомлённость.

Отто поднялся. Аделина, не выключая микрофон, добавила:

— И ещё один вопрос. Технические подрядчики, которые

обслуживают системы безопасности школ... Они работают по открытым тендерам?

Он замялся на полуслове, опустил глаза и ответил поспешно:

— По закрытым. Для безопасности.

Отто отвернулся и торопливо направился к выходу. Аделина не сдвинулась с места. В её блокноте уже было записано название фирмы, которое он упомянул за минуту до эфира. Она проверила запись в блокноте — не для эфира, а для проверки.

Аделина повернулась к камере. Лицо смягчилось — на долю секунды. Достаточно, чтобы зритель увидел: за сталью — человек.

— Мы вернёмся после рекламы. Оставайтесь с нами. «Город без масок» — мы задаём вопросы, на которые не хотят отвечать.

Загорелся сигнал паузы. Отто сорвал галстук. Бросил на неё яростный взгляд. Промолчал. Аделина уже не смотрела.

Продюсер подошла — невысокая, энергичная, с планшетом под мышкой.

— Ты в своём репертуаре. Рейтинги взлетели. Чат кипит. Все жаждут продолжения.

— Продолжения чего?

Аделина снимала микрофон.

— Допроса Отто? С него хватит.

— Теперь он наш враг.

— Врагов хватает. Одним больше — статистическая погрешность. Он не враг. Он чиновник, который врёт. Я — журналист, который это показывает. Это работа. Не война.

Продюсер не стала спорить. С Аделиной спорить было бесполезно.

Она прошла в гримёрку. Закрыла дверь. Села перед зеркалом. И только здесь позволила себе выдохнуть. Лицо потеряло безупречность. Проступила усталость. Та, что она не показывала никому. Телефон — тёмный экран. Марко прислал «Всё нормально» два дня назад. С тех пор — тишина. Вчера дети спросили, когда папа вернётся. Она не знала, что ответить. Открыла галерею. На заставке — старая фотография. Они вчетвером. На море. Три года назад. Счастливые. Рикардо с кругом. Роберт на плечах у отца. Марко смеётся. Кто-то смотрел и думал: «Идеальная семья». Аделина думала: «Как мы сюда попали?»

— Ты бросаешь его в самый трудный момент? — спросил кто-то.

— Нет.

Она смотрела в зеркало.

— Я создаю ему пространство, в котором он либо утонет, либо выплывет. Я больше не буду его спасателем.

Слова — твёрдые. Но внутри — пустота. Это решение стоило ей больше, чем любой эфир. Провела рукой по волосам. Выпрямила спину. Завтра — новая программа. Новые вопросы. Новые лжецы. Новые зрители, которые ждут, что она

выведет их на чистую воду. Она не могла спасти мужа. Но свою работу — могла. И делала её чертовски хорошо.

Госпиталь. Отделение неврологии и психиатрии. 48 часов спустя.

Аппарат ЭЭГ мягко гудел, выводя на экран ломаные линии мозговой активности. Рико лежал на кровати с приподнятым изголовьем. Провода тянулись к голове, груди, запястьям — паутина, превратившая его в подопытного. Доктор Альберто — сухощавый, с глубокими залысинами, серыми, невероятно цепкими глазами — стоял у монитора. Невролог и психиатр. Специалист по серым зонам. Где не поймёшь: сбой в нейроне или в душе. Именно его Бернардо вызвал, узнав, что Рико упал без сознания. Дина была в том спокойствии, что страшнее любой истерики. Её глаза, что когда-то напоминали Рико небо, теперь были как лёд.

— Итак, — Альберто оторвался от экрана, поправил очки. — Я изучил вашу историю. Опухоль сердца. Операция в две тысячи тринадцатом. Клиническая смерть в детстве. Затем — ремиссия. Но вы игнорировали обследования. Последний раз у кардиолога — три года назад.

— Я был занят.

— Чем бы вы ни были заняты, это не отменяет фактов. Температура — 39,8. Тахикардия. Тремор. Кровотечение из носа. Организм на пределе. Но это лишь верхушка.

— Причина? — Дина. Голос резкий. Сразу пожалела.

— Посмотрим МРТ. — Альберто вывел на экран сни-

мок мозга. Чёрно-белые срезы. Карта чужой планеты. Указал на светящееся пятно. — Префронтальная кора. Миндалевидное тело. Гиперактивация миндалины. Сниженная активность коры. Хронический ПТСР. Запущенный.

— ПТСР? — уточнил Рико. В голосе — недоумение. — У меня?

— И не просто ПТСР. — Следующий слайд: график сердечного ритма. Ломаная линия, скачущая вверх-вниз. — Вариабельность ритма. В норме — высокая. Организм гибко реагирует. У вас — критически снижена. Вы не восстанавливаетесь. Даже во сне.

Он повернулся к Рико. Смотрел поверх очков.

— Гибель сестры. Клиническая смерть. Пожары. Нападения. Теперь — серийные убийства. Это не стрессы. Это слои асфальта. Ваш мозг перестал отличать угрозу от воспоминания. Миндалевидное тело — сигнализация. У вас она орёт без остановки. Префронтальная кора — сторож. Он обессилен.

— Я не чувствую страха. Мне скорее скучно.

— В этом и проблема. Вы не чувствуете его осознанно. Вы соматизируете. Превращаете в жар, тремор, кровь, провалы. Ваш организм кричит — на языке симптомов. А вы не слышите. Потому что запретили себе чувствовать. Это алекситимия. Она загоняет ПТСР вглубь.

Дина шагнула к кровати. Села. Взяла его руку — ледяную, дрожащую — в свои ладони.

— Помнишь разговор на кухне? Про болото. Про то, что тебе скучно жить. Что ты — обслуживающий персонал собственной жизни. Это всё оттуда. Ты выгорел. Запретил себе быть живым. И вот результат. Ты потерял связь с собой.

Он смотрел в потолок. Слова резонировали с тем, что он и сам знал, но не формулировал.

— Что мне делать, доктор?

— Первое — стабилизация. Медикаментозно. СИОЗС в минимальной дозе. Нормотимики. Нужно выровнять кортизол — он у вас зашкаливает. Второе — покой. Никакой работы. Никаких исследований. Две недели. Третье — терапия. Я сам. Это не разговор по душам. Это тяжёлая работа. Мы вскрыем старые раны. Будет больно.

Рико закрыл глаза. Две недели без дела. А убийца — где-то в городе. В игре.

— Убийца не будет ждать две недели.

— А ты и не узнаешь даже, если умрёшь от истощения, — Дина сжала его руку. — Я не прошу бросить всё. Я прошу не умирать у меня на глазах. Дай себе шанс.

Тишина. Только писк кардиомонитора — размеренный, как метроном.

Рико открыл глаза. Взгляд — цепкий. Пугающий. Как у человека, который только что собрал пазл.

— Доктор. Вы сказали — диссоциативные эпизоды. Провалы. Галлюцинации. Можно ли их спровоцировать? Извне?

— Что вы имеете в виду?

— Существуют ли вещества? Препараты? Что-то, что можно давать незаметно — и это вызовет жар, тремор, галлюцинации? Особенно на фоне истощения и ПТСР?

Дина резко подняла голову. Глаза — расширены.

Альберто снял очки. Медленно протёр.

— Теоретически — да. Скополамин. Синтетические каннабиноиды. Даже комбинации бета-блокаторов и кортикостероидов — при скрытом приёме — могут вызвать такую симптоматику. Добавьте недосып, истощение, ПТСР — и получите идеальный шторм. Человек начинает видеть то, чего нет. Слышать голоса. Терять сознание. А окружающие списывают на психику. Вы думаете, вас травят?

— Я думаю, — Рико медленно сел, преодолевая слабость, — что если кто-то знает всё: про Марию. Про мою болезнь. Про клиническую смерть. Про запах «Белой сирени» — который не выпускают пятнадцать лет. Если он оставляет брелоки. Подбрасывает письма с сердечками... — Он смотрел прямо. — Он может использовать и химию. Он травит меня. Заставляет сомневаться в рассудке. И тогда всё, что я вижу, — это не симптомы. Это оружие. Целенаправленная атака.

Дина прижала ладонь к губам.

— Письма... Брелоки... Это всё — звенья одной цепи.

— Именно, — Альберто потёр переносицу. — Если ваша гипотеза верна, мы имеем дело не просто с убийцей, а с манипулятором экстра-класса. С тем, кто изучил вашу психику, знает триггеры и нажимает на них с хирургической точ-

ностью. Это не месть. Это садизм. И это объясняет всё: разнородный почерк, отсутствие схемы, ощущение, что вас водят за нос. У него может быть сообщник. Или он действует один, но с доступом к вашим вещам, еде, воде.

Его взгляд — на Дину.

— Антонио знал меня. Знал мою семью. Кричал в лицо: «Ты ещё заплатишь». У него было время — годы в тюрьме — чтобы всё продумать. Или тот, кто с ним работает. Кто был в долгу. Кто предал меня.

— Мы проверим, — Альберто взял планшет. Сделал пометку. — Назначу расширенную токсикологию. Не стандартную панель, а полный скрининг: редкие токсины, алкалоиды, синтетические психоактивные вещества. Это займёт время. Лаборатория хорошая, но такие анализы быстро не делаются.

— Сколько?

— Двое-трое суток. Минимум.

— Я не могу ждать. Если он поймёт, что я выпал из игры, он либо ускорится, либо исчезнет.

— Тогда создай видимость, что ты сломлен, — тихо сказала Дина. — Останься здесь. Под наблюдением. Пусть думает, что ПТСР победил. Что ты больше не опасен. А мы тем временем...

— ...Будем искать, — закончил Рико. — Ты, Марко, Киро. Без меня.

— Нет. — Она резко. — Без тебя — ничего. Но ты мо-

жешь руководить отсюда. Телефон, планшет, связь. Доктор Альберто, это возможно?

— С медицинской точки зрения — крайне нежелательно.
— Альберто вздохнул. — Но вижу, что спорить бесполезно. Вы оба ненормальные. Хорошо. Никаких физических нагрузок. Никаких выездов. Минимум стресса. Если увижу, что показатели ухудшаются — отберу гаджеты и введу седативные. Это моё условие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.